

ТАТЬЯНА
Лерин

ОСТАНЬСЯ

Моей

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ
РОМАН

18+

Татьяна Лерим

Останься моей

<https://litres.ru/74005301>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я думала, что конец света наступил, когда поступил звонок от коллекторов с угрозами. Настоящее же падение произошло, когда я познакомилась с человеком, от которого ждала помощи. Он растоптал окончательно, раскрыв все скелеты в моем шкафу, про которых я и сама не хотела знать. Моя жизнь получила трещину, которую не собрать обратно. А самое главное, что этот человек не умеет любить и не понимает, насколько больно можно сделать одним лишь словом.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	45
Глава 9	51
Глава 10	55
Глава 11	61
Глава 12	67
Глава 13	73
Глава 14	78
Глава 15	82
Глава 16	87
Глава 17	91
Глава 18	96
Глава 19	101
Глава 20	104
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Татьяна Лерим

Останься моей

Глава 1

Что такое конец света?

Все по-разному воспринимают неудачи и черную полосу в жизни.

Я не умею противостоять, поэтому для меня оно наступило неделю назад, когда позвонили коллекторы и начали угрожать. В прямом смысле угрожать и да, я верила, что с таким можно столкнуться только в кино.

Запаниковав, я сразу же позвонила маме, и она подтвердила, что в семье проблемы, а точнее, что проблемы у ее мужика.

Проблемы, это когда не хватает на кредит или в вуз не поступил, а когда твою семью обещают на органы пустить из-за пары миллионов, это катастрофа.

Хотя, я даже не поняла о какой точно сумме идет речь.

И вот я, поддавшись той самой панике, на которую обычно смотрю в тупых триллерах и смеюсь, не веря в игру актеров, собираю чемодан и возвращаюсь в Россию, из которой меня выпнул в свое время отчим.

Как же я всегда мечтала вернуться обратно, но страх пе-

ред новым мужем мамы не позволял даже купить билет, не то, чтобы сесть в самолет.

Моя жизнь, как тот самый триллер, скрывающийся за жанром – комедия.

Я действительно жила легко, с легкостью и налегке. Скрывала от новых друзей семью, правду и скелеты, которые спрятались под увесистым замком.

Я сама внушила себе, что этого ужасного мужчины не существует, а теперь мне угрожают, тыча в меня его же фамилией.

– Я не понимаю, почему мы страдаем? Он просто твой новый муж и вашему браку около десяти лет, – пытаюсь вразумить бедную маму, которая влюбилась не в того. Я ей сразу сказала все, что думаю об этом Игоре, но любовь творит ужасное.

Никогда не позволю этому чувству завладеть разумом.

– Я все это знаю, но когда влюбишься

– Этого никогда не наступит.

Почти бросаю трубку, отдавая паспорт на стойке регистрации.

Скоро я ее увижу и защищу. Пусть этот недомуж сам разбирается у кого и сколько там занял. Моя семья не будет жить в страхе. Мы ничего не крали и не обманывали.

Сразу было понятно, что за тип, но с мамой бесполезно было спорить.

– Подожди. Игорь говорил про фамилию Власов. Тебе

нужно вернуться обратно в наш город. В Красноярск. Доченька, милая, найди его и заставь тебе помочь, пожалуйста, – умоляюще просит мама, а я вспыхиваю от его наставлений.

– Я не пойду просить помощи у дружка твоего Игоря.

Сама от себя вздрагиваю, извиняюсь перед сотрудницей аэропорта. Забираю документы и отхожу от стойки регистрации.

– А если бы меня с рейса сняли за неадекватное поведение? – понимаю, что среагировала громче положенного для Англии и понижаю тембр голоса.

– Иванна, только ты можешь

– Так, твой Игорь упомянул? Значит ты знаешь, где он? Вы общаетесь? Пока там его коллекторы ищут, меня нашли, а его не могут, ты все это время знаешь где он?

– Ива, не вмешивайся. Просто найди Власова и поговори с ним.

На этом разговор заканчивается, и я забываю про эту фамилию как страшный сон.

Навсегда.

Так мне казалось, пока я не ступаю на родную землю и не чувствую тревогу за собственную жизнь.

Прямо в аэропорту я читаю в газете со свежей датой, что отчим украл бриллианты и внушительную сумму из компании, в которой числился директором. О боже, он украл столько, что можно еще один город построить.

Сразу же набираю в поисковике фамилию, которую забы-

вала несколько часов в полете.

Власов Герман Юрьевич. Владелец крупной ювелирной компании в Красноярске.

Он друг? Враг?

Мой отчим не умеет дружить и как выясняется только сейчас, даже руку, которая его кормила и наделила той самой властью, он отрубил.

Он украл у человека, который его из таких передраг вытянул и посадил в кресло директора. Да я училась и жила в Англии на деньги этой компании.

Так вот зачем он вывез дочку любимой женщины за пределы и властным поставленным тоном приказал никогда не возвращаться. Готовился заранее?

Почему маму тогда не вывез?

Недолго думая, сразу же покупаю билет до Красноярска и лечу на родину. Оттуда, откуда моя мать сбежала в свое время от моего биологического отца, от позора в виде меня, на который пальцем не тыкал только ленивый в ее районе и от бедноты, которая досталась в наследство после несостоявшейся свадьбы. Там тоже свой скелет припрятан. Даже я всего не знаю.

И как я буду знакомиться с этим Власовым?

Иногда сама не понимаю умная я или нет, но первым же делом, отправляю резюме в его фирму.

Да кому вообще нужна девочка без опыта работы? Да, отучилась, да, я знаю в совершенстве английский, но этого ведь

мало? Или достаточно для компании мирового уровня?

Видимо достаточно, раз стою в холле и слушаю менеджера, который что-то там говорит про работу секретаря, переводчика на полставки.

– Простите, а какие обязанности?

– Записывать все встречи и присылать на почту Германа Юрьевича, переводить все документы на английский и обратно. Зарплата меньше, чем положено, но у нас правило, сначала опыт. Я ваш куратор и не могу обучать за бесплатно.

– Я согласна, – понимаю к чему она клонит. На самом деле, ей бы самой подучить английский. Произношение хромает, но я же не буду на собеседовании делать нелепое замечание человеку, от которого моя жизнь зависит. Я буду лично присылать что-то на почту Власову. О таком и не мечтала, но рано радоваться. Может как только выяснится кто я, мне укажут на дверь, не дав шанса на оправдание, а мне ведь еще и маму спасти из всего этого.

– Тогда занесите документы в отдел кадров и там вам скажут, когда приступать.

Я мило улыбаюсь и выхожу, пока в обморок не упала от волнения.

Вот так моя жизнь изменилась за каких-то семь дней с того момента, как услышала первую угрозу в телефоне. Потом на почте, потом снова в телефоне и вот я в городе, о котором с самого детства нельзя говорить. Даже название нельзя произносить.

Вот это все для меня конец света. Когда бросаешь все привычное и обычное, с которым уже смирилась, приняла и научилась жить заново. Лучше там, чем рядом с человеком, который в спину дышит, которого боишься до смерти. А именно такие чувства у меня вызывает этот Игорь со своим змеиным прищуром в мою сторону при каждой встрече.

И даже сейчас, цокая каблучками по коридору, я снова ощущаю его. Снова все тело дрожит, лишь бы не увидеть наяву. Мои движения скованы, хаотичны. Снова это чувство опасности, которое растянуто по всему телу, не дает покоя. Я ведь далеко. Он никогда не будет искать меня здесь, в городе моего рождения. Это закрытая для меня территория.

– Осторожнее, – подворачиваю ногу, но не успеваю шлепнуться на мраморный пол. Меня удерживают сильные руки в дорогих часах. Я знаю марку, у отчима были такие и я почти давлюсь слюной, боясь голову поднять, но мужские руки отпускают, и я все же смотрю на своего спасителя.

Это он.

Власов.

Я видела фото из многочисленных конференций, на которых часто приглашают журналистов.

– Добрый день, – пишу, теряясь от его мощной энергетики, но вместо ответа он блуждает по моему дрожащему телу, а после скрывается за первой же дверью, даже не взглянув напоследок, будто я просто преграда на его пути.

Глава 2

Если бы в обычной жизни такого встретила, то никогда бы не решилась подойти и тем более о чем-либо просить.

Может он враг и лучше вообще держаться от такого подале, а не наниматься к нему в найм?

Приподнимаю бровь, когда меня с легкостью устраивают и приглашают на планерку.

– Я еще даже своего рабочего места не видела, – всеми возможными способами пытаюсь освободить себя от часового сидения на стуле, но молодая девушка с красными губами приводит достаточно весомые аргументы.

Конечно, мне нужно там быть. Я всегда мечтала сразу же попасть на казнь сотрудников и понять характер своего нового босса.

Мило ей улыбаюсь, надеясь, что все же выходит улыбка, а не оскал и иду на планерку, куда она меня и отправила.

Только рядом с дверью понимаю, что Власов зашел в этот же кабинет двадцать минут назад, но я успокаиваюсь и вхожу, успокаивая себя, что мне, наоборот, нужно познакомиться с ним, а не избегать.

– Здравствуйте, – только сейчас понимаю, что опоздала, судя по тому, что прервала важный спор между боссом и каким-то сотрудником.

Когда Власов поворачивается в мою сторону теряюсь и не

могу и слова больше вымолвить. В горле пересыхает и это вообще не романтично, как описывают в книгах восемнадцатого века. Нет спертого дыхания и трепетания сердца, просто невыносимая боль, от которой хочется избавиться.

– Мы уже заканчиваем, – он делает мне замечание, и я понимаю, как сильно меня подставили. Зачем я тут? Зачем она меня сюда отправила? Чтобы я опозорилась или чтобы вывела босса из себя, и сразу же вылетела, так и не начав работать? – Кто вы? Я вас раньше не видел в своей фирме.

– Я Я – моментально забываю свое имя, оказываясь в плену песочных глаз. Никогда не думала, что потеряюсь в обычных кофейных, коричневых глазах, но я не могу отвести от него своего взгляда и вообще не могу что-либо произнести.

– Я Иванна. Переводчик. Новый.

Ответ звучит как у первоклассника, но я выдаю лишь факты, а не предложения.

– Кто вас отправил сюда в первый рабочий день? – никак не оставляет в покое, засыпая вопросами.

– Из отдела кадров.

Гордо поднимаю голову, будто горжусь правильным ответом. Я бы сама точно не пришла, пусть там со своими работниками разбирается, или я сама с ней разберусь. Я запомнила, как она выглядит.

– Выйдите, Иванна. Я позову вас позже.

Все же выгоняет, а я стою на месте, пребывая в каком-то помутнении. Теперь он точно меня запомнит такой и нико-

гда не поможет.

Хотя, что он вообще должен помочь, я сама придумала после разговора с мамой. На самом деле ведь не должен и ничем не обязан.

Наглые глаза, блуждающие по моему телу без стеснения, и легкая ухмылка победителя и вот я вылетаю из кабинета проигрывая этот бой.

Он не должен был меня выгонять. Я тут не за этим. И как теперь с ним начинать разговор после того, как сама же опозорилась. Не без помощи этого отдела, с которым мне предстоит столкнуться еще не раз.

Мне все же предоставляют свое место и сразу же заваливают какими-то папками для перевода и скидывают таблицы на рабочую почту, которую мне заводит сис-админ.

Ко мне никто не подходит, чтобы помочь вникнуть и я уже готова бежать из этого ада, но слова мамы и вчерашние последние сообщения от коллекторов заставляют сидеть на месте. Меня уже ломает от сидячей позы, но я, прикусывая нижнюю губу, пытаюсь все правильно перевести.

– Ива, тебя зовет к себе Власов. Вообще, он никогда сам не интересуется персоналом. Всем заведует Уля, но тебя позвал.

– Зачем? – Поднимаю круглые глаза на администратора, которая смотрит на меня не менее удивленно. – И что за Уля?

– Это та, что тебя на работу оформляла. Ходят слухи, что она просто в него влюблена как кошка в сметану, но это слухи и я тебе ничего не говорила. А что хочет, иди и узнай. Ты сегодня не на планерку попала, а на совещание для директоров и их замов. Короче, он не в духе и если уволит, то сама виновата.

– Меня туда влюбленная Уля отправила, – защищаю себя до конца, но от этого не легче. Не жаловаться же мне на нее директору. Делать нечего, встаю и иду в его кабинет, хоть и дается мне каждый шаг с трудом. Не так я представляла наш разговор, да и настолько быстро. Мне бы хоть привыкнуть немного к стенам, коллективу и к самой мысли о помощи.

– Руднева, – Герман не здороваясь, откладывает папку с моими документами и начинает смотреть в упор. Он знает мою фамилию и его суровый взгляд показывает, что встреча с родственниками Руднева его не радуют.

Нужно было сменить фамилию, я ведь давно совершеннолетняя, но сама мысль, что отчим запретил мне этого делать в восемнадцать не дает сделать этот шаг и в двадцать пять. Вообще, все, что с ним связано заставляет меня неметь и цепенеть. Этот Игорь, как появился в нашей жизни, так сразу заставил забыть о свободе. Постоянные запреты и угрозы наложили отпечаток на характере. Я стала слишком бесхребетной, и не могу вылезти из своего состояния по сей день.

– Он мне не родной, если вас смущает фамилия.

– Но ты здесь, в компании, которая добывает драгоценные

камни и делает одни из лучших ювелирных украшений на рынке. Ты даже не в основном филиале в столице, а тут, откуда я родом.

Понимаю к чему клонит. На самом деле, в Москве огромный филиал, но Власов настолько любит свой родной город, что открыл еще и здесь офис, редко катаясь в столицу.

– Совпадение.

– Ива, ты пару дней назад еще в Англии была, а сегодня устраиваешься ко мне в офис, в Красноярске. Не слишком ли круто меняешь жизнь? Особенно после того, как твой неродной отец, по твоим же словам, вогнал в банкротство компанию, которой управлял. Я не верю в такие совпадения.

Молчу, опуская глаза.

– Мне нужна помощь. Я думала вы друг Игоря и сможете помочь. Мне постоянно угрожают, требуют вернуть долг, но я не знаю, как добыть такую сумму. Я боюсь, что эти угрозы начнут сбываться в жизни, – всхлипывая, не понимая, как начинаю плакать. У Германа ни один мускул не дрогнул. Вообще ни одной эмоции на мое ничтожное положение.

– У Руднева нет друзей, – только и выдает на мои крики о помощи.

– Но мама говорила, что вы поможете. Только вы способны. Мне больше некуда идти. Они нас убьют.

– О чем думал Игорь, когда планировал все это, я не знаю. И я не занимаюсь благотворительностью. По сути, коллекторы эти правы. Они выбивают долг. Твой отчим занял огром-

ную сумму денег, потом обокрал свою же компанию, якобы погасить долг, но исчез с награбленным, оставив именно вас разгребать все это. Почему же я должен ввязываться?

Власов резким движением поднимается со стула и открывает дверь своего кабинета.

– Вы меня увольняете? – спрашиваю, но в ответ лишь равнодушный взгляд и тишина, оставляющая еще больше вопросов без ответа.

Моя мама сделала ставки не на того человека, и я снова в тупике.

Глава 3

День сегодня выдался действительно тяжелым. Я буквально вишу на волоске: вроде бы не уволили, но я не знаю, выходить ли завтра.

А вдруг я неправильно поняла?

Не знаю, на что я вообще рассчитывала, устраиваясь к этому Герману на работу, но, кажется, сегодня я все испортила своим же присутствием.

Теперь он будет думать, что я намеренно появилась в его жизни.

Да, он прав, намеренно. Но из добрых побуждений, а не чтобы повторить идеальный план отчима и разорить еще одну фирму.

Я своим необдуманным решением снесла к чертям все снисхождение, которое могла повернуть в свою пользу. Я ведь могла просто попросить о помощи вместо того, чтобы идти таким длинным путем.

Вот дура.

А что бы я думала на его месте, если бы узнала, что дочь афериста устроилась ко мне на работу обманом, чтобы быть ко мне поближе?

Боже, я такое даже сформулировать не могу, не то, чтобы думать о таком.

И зачем я вообще слушала маму? Просто пошла бы и

предложила себя взамен на жизнь. Моя жизнь мне дороже, чем чувство стыда.

Многие на этом зарабатывают, а я спасаю, но сейчас все это кажется лишним. Я все потеряла и теперь совершенно не знаю, что делать дальше. Куда бежать?

Содрогаюсь от каждого движения и шороха на лестничной клетке дома, где я сняла квартиру. С тревогой поднимаюсь, каждый шаг на ступеньку выше дается с трудом. Страх сковывает движения, и я не могу справиться. Кажется, что внутри все трясется и вибрирует.

Я почти на грани того, чтобы расплакаться. Так себя можно и до успокоительных довести.

Может, прав был отчим, говоря тогда, чтобы я никогда не возвращалась? Но просто так сидеть и ждать тоже невыносимо. Тем более ждать собственной смерти – такое себе занятие.

– О, Иванна, ты чего крадешься? – сталкиваюсь с бабушкой из соседней квартиры. – Я мусор пошла выкидывать. Воняет уже, а у меня ноги больные. Но я вот переборола себя, воздухом же тоже нужно дышать. Глядишь, ногам легче станет, – улыбается, а от меня будто страх отлипает.

– Давайте помогу? – протягиваю руку. Жаль бабульку, по ее словам, одна всегда. Все ее дети в Москву укатали, а соседям не до нее, а я прониклась ее печалью, когда встретила в первый раз; уже два раза мусор выносила, один раз продукты заносила, а сегодня утром вот забыла заскочить.

– Да не надо. Ты ведь на работу вышла. Иди, отдыхай. Мне полезно и самой ходить. Тут мусорка за углом. – Согласна, что это полезно для стариков. Прощаюсь с ней и уже поднимаюсь дальше, снова утопая в своих мыслях. – Кстати, там мужик какой-то на нашем этаже трется, подозрительный. О квартире твоей спрашивал, – бросает вслед, и я резко торжожу.

– А обо мне тоже?

В этот момент дышать перестаю. Они нашли меня? Так быстро? Я ведь только заселилась и вообще, что окажусь так далеко от города, где живет мама, сама не знала.

– О тебе нет. Только о квартире. Может, снять хочет, ну, скажешь ему, что опоздал. Я номер хозяйки дала, твой не знаю.

Бабушка говорит как можно тише, но в подъезде лишь мы, поэтому, скорее всего, отголоски слов доносятся тремя пролетами выше. Она начинает двигаться вниз, напоследок одаривая доброй улыбкой.

Вздыхаю. Может, она и права. Может, хозяйка объявления снять забыла, а люди интересуются, но что-то мне подсказывает, что это все же под мою душу, я интересна тому мужику, а не квадратные метры, поэтому, как только хлопнула входная дверь, я пулей несусь вниз, параллельно считая цоканье чужих шагов.

Он бежит за мной. Я оказалась права.

Сейчас я делаю последние вздохи и захлебываюсь слеза-

ми.

Не успевая выбежать на улицу, кричу от резкой боли в спине, которую припечатывают к холодной стене.

– Думала, тебя не найдут? – шипит на меня, а я из-за слез разглядеть не могу тупую рожу своего палача.

– Я не виновата. Я ничего не знаю, – плачу навзрыд. Я ведь действительно ничего не знаю. И дальше бы не знала, если бы не угрозы и признания мамы. В Англии ведь не пишут подробности жизни местных бизнесменов России.

– Да плевать. У тебя ровно сутки, чтобы выдать или найти, если действительно не знаешь, своего отца и место, где он прячет деньги. Иначе я тебя лично четвертую на этой же стене.

– Он мне не отец, – кричу удаляющейся спине.

Кое-как собираю себя по крупицам и ползу, медленными шагами держась за перила, обратно к себе.

Не то чтобы я чувствовала себя в безопасности в этих стенах, но все же. Закрываюсь быстро на все замки до предела и только после этого скатываюсь на пол и даю волю слезам. Еще до конца не осознаю, что сутки уже отсчитывают назад. Всего сутки. Завтра в это же время он придет за мной, и мне уже ничего не поможет. Никто не защитит.

Щеки буквально пульсируют от жара, от горя и краха, надвигающихся на меня.

Мама знает, где ее муж, и молчит. Ей что, моя жизнь менее важна? Почему я должна за всех отдуваться? Тем более

за чужого мне человека.

В панике дрожащими руками вываливаю все из сумочки в поисках телефона. Этот Власов не помог, значит, мама должна выдать своего мужа этим бандитам, иначе они меня просто убьют.

Глава 4

Герман

– Легче найти ту, которая не подходит.

Мой зам Арсений уже битый час вспоминает разные имена, которые должны быть мне знакомы.

Анжела, Марина, Мария, Ольга

Уже рябит от этих имен, но я всех отмечаю. Даже эскортниц. Они все уже мелькали. Не могу слов подобрать, но куклу легкого поведения рядом с собой точно не потерплю.

– Плохо ищешь, – легкая ухмылка завладевает губами.

Арсений нервничает, а я слишком расслаблен. Самому непонятно данное чувство. Жадно вдыхаю прелый воздух в собственном переговорном зале, в котором мы сидим уже битый час.

– Нужна девушка со свежим лицом. Чтобы наповал. Чтобы так его очаровала и был он вот тут у меня, – сжимаю кулак, поднимая его вверх. Арсений лишь бровь приподнимает и снова закапывает взгляд в папку с анкетами, которую неделю собирал.

То, что я решил подsunуть какую-то девчонку, скажем так подарить, компаньону, который должен завтра прилететь из Америки, меня ничуть не смущает. Он девочек любит, а я люблю деньги, точнее, удачные сделки, которые откроются после данного обмена.

– Может в открытую сказать, чтобы обслужила клиента

– Нет. Нельзя подсовывать банальную проститутку. Я же сказал, нужен редкий алмаз, такой, который ты каждый день видишь, прежде чем в ожерелье утвердить.

– Если не предупредить, что от нее требуется, может скандал быть.

Арсений сводит пальцы в кулак, а я смотрю в окно, в собственное отражение, еле заметное под определенным углом, а потом снова на фото, пачкой лежавшие на столе.

Не то. Все не то.

Отодвинув всю эту макулатуру, включаю компьютер и принимаюсь за дело. Как говорится, хочешь сделать хорошо, сделай сам. Арсений молча сидит, не лезет и не задает лишних вопросов.

– Ну я же не буду ее подкладывать под американца. Просто скрасить вечер, – оправдываюсь, когда перестаю выносить напряженный взгляд зама, пялившегося на монитор с обратной стороны.

– А если он захочет большего? – не унимается.

– Сами там пусть разбираются. Не маленькие. Хочешь, сам свечку держи.

Мозг перегревается, когда понимаю, что нет той самой, нет подходящей и нет времени уже выбирать. Надо брать любую.

– У тебя ведь есть Вера. Попроси сыграть ее эту роль. Тем более, что она в образе.

– Я бывших обратно не зову. Тем более Веру.

– Зря. Она точно подойдет, – цокает Арсений, облизывая губу.

То, что она понравится американцу, к гадалке не ходи. Но как это будет выглядеть, если именно моя бывшая явится со мной?

Будет скандал.

Считанные секунды и я уже вспоминаю последнюю нашу встречу. Если бы она сама все не испортила.

«Я беременна, Герман».

Эта фраза стала для нас счастливым мгновением и одновременно крахом в отношениях. Я был готов ее с земли стереть.

Ложь. Предательство. Пустота.

Арсений прав, для моей Веры только одна роль заготовлена, но я не собираюсь подпускать ее к себе ближе, чем она есть сейчас. Пусть живет и живет как можно дальше от меня.

– Слюни подбери и ищи дальше.

То, что моя бывшая любовь нравится всем, в курсе. Не злюсь. Давно уже привык к этому. Да и чего злиться? Она ведь больше и не моя.

– Герман Юрьевич, может все же эскорт пересмотреть? Все же должно быть на высшем уровне.

– Ты их видел? Я этих девок по губам только отличаю. У некоторых эти вареники больше среднего, а так, все одинаковые.

Громкий стук за стеной отрезвляет и заставляет челюсть сжиматься от напряжения.

Это знак, что нужно остановиться, притормозить и подумать, где искать ту самую, которая не испортит, а действительно произведет впечатление, сразит наповал искушенного иностранца.

И нахожу. Вот только согласится ли эта лань на отведенную ей роль?

Иванна

Я в отчаянии. Мама что-то тараторит про любовь, преданность, доверие, а у меня плывет перед глазами.

– А как же я? – глотаю слезы, совсем не беспокоясь о внешнем виде.

Ну а что мне терять? Власов отказался и работаю я тут по собственному желанию, только потому что новый план не придумала.

Придумаю – уйду.

– Дочь, когда влюбишься

– Я все это слышала. А если не влюблюсь? Если просто не успею испытать эти чувства, про которые ты мне постоянно говоришь? Мне угрожают, мама, мне страшно, а ты мне о любви говоришь?

Все чувства хлынули разом. Я ведь понимаю, что если с ней не договориться, если не убедить, то Игоря мне никогда не найти за такой короткий срок.

Легче черта найти в Красноярске, чем отчима на террито-

рии России. Хотя, может и в мире уже.

– Они не тронут ребенка. Не переживай.

– Ты что там, с ума сошла? Я ребенок только для тебя, мама, – зло отвечаю. Она так разговаривает, будто мне пять, а не двадцать пять. Я их видела и все эти угрозы точно не для того, чтобы просто запугать.

– Ива, я не сдам мужа. Не проси. Если Власов не поможет, то беги обратно в Англию. Отсидись. Скоро все закончится.

Я топаю ногой от отчаяния. Эту стену не пробить. Мама не понимает, что я из этой Англии сбежала от страха и негде мне не скрыться.

– Твой Игорь настоящая скотина, – срывается сгоряча. Нет, я действительно так думаю, но для моей любимой, ранимой мамочки он лучший из лучших и о другом и не мечтать. – Он просто подставил нас. Ты понимаешь, что если все продать, этого не хватит. Хотя, я на твоем месте уже начала бы квартиру продавать. Почему ты сидишь бездействуя, будто только от меня этих денег и его шкуру требуют?

– Я не могу, Ивушка. Я ее на мужа переписала. Игорь же ипотеку выплатил, я и подумала, что так правильнее. Формально же, она его.

– Что? Как ты могла? Эта квартира покупалась еще совместно с отцом. Что там этот аферист выплатил? Оставшиеся полтора миллиона?

Срываюсь окончательно, понимая, что он мать полностью под контролем и его властью даже сейчас. Да она о дочери

так не переживает, как о муже своем. Ненавижу все. Надо было маму спасти в свое время, а не бежать под страхом из страны, от этого человека, отмахиваясь, что все эти страхи плод моего воображения. Это катастрофа и первое мое впечатление оказалось самым верным. Но что я могла тогда сделать? Я и сейчас не могу ничего.

– Ладно, не ругайся. Я поговорю с Игорем, и он все отдаст. Потерпи немного. Он должен согласиться.

Сдается, вселяя мне уверенность в завтрашнем дне.

– У нас с тобой примерно десять часов осталось. Думаешь успеем? – во мне бурлит адреналин, я готова горы свернуть. Наконец она меня услышала и вспомнила, что я родная дочь. Что я нуждаюсь в помощи и только ее муж сможет помочь. Он все это закрутил, он пусть и разруливает теперь.

Резко поворачиваюсь, прощаясь с мамой и натыкаюсь на две пары огненных, ярких глаз, просто пожирающих мое тело сзади.

Лицо у моего непосредственного босса какое-то странное. Довольное, я бы сказала.

Герман смотрит на меня своим цепким, оценивающим взглядом, будто искал.

Может передумал? Может понял, что действительно я одной ногой в могиле и готов подать руку помощи? Но что-то мне подсказывает, что нет. У этого чудовища свои планы и намерения и мне уже его план не нравится. А то, что он есть, это точно, к гадалке не нужно ходить.

– Добрый день. Я только на минутку вышла. Мне мама позвонила, – мямлю, словно пятиклашка, пойманная с личным.

Может у него просто не принято в рабочее время отвлекаться? Но та же Уля постоянно с кем-то на телефоне и судя по тому, что она кофточки обсуждает, явно не с работой связаны разговоры.

– Зайди в кабинет, – а потом так же быстро и молча скрывается из вида.

Глава 5

В глазах застывает страх, но не по отношению к боссу, а к тому, что он мне сейчас скажет.

Боюсь услышать обидное слово «убирайся» и уйти сломленной окончательно.

Мама дала надежду, но внутри меня обеспокоено стучит сердце и до последнего не верит ее словам. Она так долго его скрывала, что и не верится.

Быстро промаргиваюсь и отметаю все это, заставляющее сомневаться. Она ведь мама и она обещала, значит поможет.

– Садись, Ива, – спокойно и даже по-особому ласково Герман указывает на стул напротив своего, и я сажусь, прямо смотря в его глаза. Я не боюсь Власова, хотя, возможно, и стоило хотя бы сыграть эту роль.

– Я вас слушаю, – вскидываю подбородок еще выше, чтобы наверняка. Хочется выбесить этого упыря напоследок, чтобы запомнил.

Чтобы пока за мной гнались эти бандиты, а я до последнего, пока силы есть, убегала, Власов сидел на этом самом стуле и места себе не находил.

Хотя, если отчим к вечеру сдастся, то мне и скрываться больше не будет смысла. Я сама уволюсь и уйду с гордо поднятой головой.

– Как дела у Игоря Нестерова? – легкая ухмылка трогает

уголки губ Власова.

– Не разговаривала еще, – меня задевают его слова. Я не могу быть хладнокровной, когда мне задают вопросы про отца в лоб. Я вообще о нем ничего не хочу слушать, кроме положительных для моей семьи новостей.

Момент замешательства не проходит бесследно и Власов останавливает допрос после первого же моего ответа.

– Я услышал последние слова. Она тебе не поможет.

– Кто?

– Мама не поможет, – в его тоне чувствуются нотки печали. Мы прожигаем друг друга ненавистным взглядом.

Да как он смеет, первое – подслушивать, второе – так низко думать о моей маме? Да я я да кто он вообще такой?

– Не смей так говорить о маме. Она его сдаст и наши кошмары закончатся. Думаешь, я тут по собственной воле? Думаешь, я не хочу жить так, как мне нравится, а не быть переводчиком и терпеть низкоквалифицированных специалистов в отделе? – меня нельзя трогать. Я завожусь с пол-оборота, сама того не осознавая. – Простите, – последнее шепчу одними губами, виновато пряча глаза.

Власов просто сидит и ошарашенно смотрит на мимику моего лица.

– Ты про кого? Про Ульяну? Ну так я уже сделал ей выговор и вlepил минус в премии в этом месяце. Больше такого не повторится. Я понимаю, что твоей вины в этом нет, а я умею контролировать косяки своих работников.

Едва дышу, внутри все горит и першит, поэтому я не издаю больше и звука. Уже и так выговорились. Хватит. Я выгляжу как минимум некрасиво.

– Еще раз простите. Не нужно было. Я говорю много лишнего, – брови мужчины сходятся на переносице. У меня за минуту изменилось настроение и даже немного становится смешно. Он, наверное, ошарашен окончательно. – Если вы хотели спросить об отчине, то я не знаю, где он. Если это все, я бы хотела вернуться к рабочему месту.

Я точно проиграла эту битву и не намерена больше сражаться. Я так устала, что жду поскорее вечера, звонка мамы, которая обрадует. Мое тело уже столько времени в напряжении, что дышать трудно. Организм вымотан, и я нервничаю по каждому поводу.

– Сядь. О нем вообще не должно было быть речи, – Герман держится все так же презентабельно. Темные волосы. Острый, серьезный взгляд, пожирающий мое тело. Идеальная фигура, по крайней мере руки, плечи, спина, облаченная в классическую белую рубашку с длинным рукавом и расстегнутой пуговицей на шее.

И почему меня так сильно это завораживает, будто я мужиков никогда не видела до него?

Видела, но именно Власова хочется разглядывать.

Сажусь обратно, как и приказал и сжимаю руки вместе. Стараюсь слушать внимательнее. Очень интересно, что именно сейчас скажет.

– Я предлагаю тебе сделку. Подумай внимательнее, прежде чем давать свой ответ, – сглатываю, но не перебиваю. Молчу и только слегка приоткрываю рот от удивления. – Завтра у меня важная встреча с Полом Уельзи. Можешь не вникать, но я ему задолжал и собираюсь отдать долг, ну и сделать его компаньоном в алмазном бизнесе. Мне нужна девушка, которая с радостью будет его сопровождать.

– О, как эскортница?

– Не совсем. Я бы хотел предложить тебе эту роль.

– Я бы с радостью, но у меня другие планы на завтрашний вечер.

– Я же сказал, подумать для начала. Нестеров не сдастся никому. Он быстрее мать свою продаст, я уже не говорю об обычной женщине, которых в его жизни было и еще будет предостаточно, – повышает на меня голос.

– Нет. Я не лягу под ваших друзей, знакомых или кем он вам там приходится.

Снова вскакиваю и делаю шаг в направлении двери.

Я что на шлюху похожа? Никогда этого не будет.

– Я говорил про сопровождение. Про постель сама додумала.

– Почему я? – останавливаюсь ровно на столько по времени, чтобы услышать вразумительный ответ. Внутри все колотится от столь непристойного предложения. Я сквозь слезы думала, что ради свободы мне предстоит лечь под Власова, но чтобы стать проституткой, ни за что.

– Все остальные падкие на мои деньги. Или слишком похожие на тот самый эскорт, от которого ты сейчас открываешься. А ты меня ненавидишь по какой-то невиданной причине, хотя понимала, что я не помогу.

– А если я соглашусь? Мама тоже будет спасена?

– Думай о себе сейчас, Иванна.

Он это всерьез? Ну не поможет, но я ведь способна найти выход из своего положения и сама. Без посторонней помощи.

– Моя мама не бросит меня в беде.

Со всей дури хлопаю дверь и меня сейчас совершенно не беспокоит мнение его секретутки, которая точно так же, идеально скрасила бы вечер того самого Пола. Имя еще такое дурацкое.

Забираю свою сумочку с тумбочки и выбегаю на улицу, прямо в разгар рабочего дня.

Набираю маму. Не могу ждать вечера. Нужны хоть какие-нибудь подробности, но в ответ тишина. Пустые гудки и неопределенность.

Она ведь обещала поговорить. Ладно сдать не готова, но убедить отдать награбленное же можно. Все не должно быть всерьез сейчас. Хоть что-то хорошее я достойна в этой жизни?

Хочется крикнуть все это в голос, чтобы вселенная услышала и сжалилась, что скинула столько проблем мне одной.

Поворачиваю голову и вижу тонированную Ауди без номеров. Все бы ничего, но вокруг как на зло, так мало людей,

а мужчина, сидящий в ней, выходит и идет прямо на меня.
Снова тот амбал. У меня же есть еще драгоценное время.

Глава 6

Я сделала то, что и должна была. Ни о чем не сожалею, только о том, что не сказала всего, что думаю об этом Владове.

Как он мог мне такое предложить? Как он вообще мог об этом подумать?

Я, кажется, для себя уже все решила, мысленно уволилась, а теперь такое унижение, только ради спасения себя.

Пока бегу, снова звоню маме. Если она уже все сделала, то моя дорожка ведет в аэропорт, но никак не обратно в кабинет к Герману Юрьевичу.

В офисе на меня все смотрят как на умалишенную: с красными щеками, тяжелым дыханием и гнездом на голове от ветра.

Мама не берет трубку, и кажется, уже вошло в привычку слушать гудки вместо ее доброго слова.

Власов прав, она не собирается помогать, но в глубине души все сопротивляется этому. Я не хочу верить, что мама может предать дочь ради мужика, от которого столько бед. Что вообще может предать ради мужика.

Она никогда меня не любила так, как другие мамы моих подружек в школе. Ее никогда не было на утренниках, на отчетных концертах и памятных выступлениях. Она вообще меня не хотела, по словам бабушки, и родила, потому что

узнала обо мне поздно. И даже когда я сказала, что ее Игорь мне противен и я элементарно его боюсь, она просто посмеялась в лицо, сказав, что я завидую.

Завидую?

Чему?

Но сейчас это все переходит любые границы. Я никогда не думала, что настолько безразлична этой женщине, и не верю в это до сих пор.

В офисе чувствую себя немного в безопасности и останавливаюсь, чтобы восстановить дыхание. Я должна успокоиться и принять это решение, чтобы не натворить глупостей.

Что он мне предложил? Сопровождать? Без интима?

Кажется, предложение сносное, если на кон поставить собственную жизнь. Десять часов, которые за это время превратились в восемь, – это катастрофически мало, чтобы помочь. Пишу смс маме, прочитано. Снова звоню и снова короткие гудки.

Слезы сами льются из глаз от поступка матери, которого я совсем не ожидаю. Знала, что нелюбимая дочь, но, чтобы настолько, и все равно, спасая себя, думаю о ней. Мама просто слишком сильно одурманена любовью, которую я презираю в этой жизни. Слишком больно осознать, что я одна в этом мире. Моя натура сопротивляется. Я, спасая себя, думаю и о ней. Нестеров точно не подаст руки помощи женщине, которая ради него отвернулась от дочери.

– Я согласна, – захожу без стука, воспользовавшись отсут-

ствием секретаря на рабочем месте.

Герман разговаривает по телефону, но увидев меня в дверях замолкает, удивленно поднимает бровь, а потом прощается с кем-то на том конце провода.

– Быстро. Что случилось? – опускает вопросы о внешнем виде, чем несказанно радуется. Я сама не могу объяснить, как за полчаса превратилась в чучело.

– За мной следят. Я боюсь, а мама трубку не берет. Я понимаю, что нагрубила, но ты единственная возможность на спасение.

Боюсь, что Власов передумал уже. Нервы на пределе, просто натянуты до невозможности.

Снова молчание и каждый в своих мыслях.

Невыносимо. Напряжение в кабинете просто невыносимое и из глаз снова соскальзывает слеза, выдающая все, что у меня на душе.

Боль, отчаяние, предательство, страх можно перечислять и дальше. Я ее быстро, почти незаметно смахиваю, но вместо первой появляется и вторая. Боюсь расплакаться, поэтому стараюсь дышать медленно и думать о бабуле, которой уже нет со мной.

– Помоги мне. Я все сделаю, – шепчу. Он просто обязан согласиться, иначе мне не выйти живой. Не дойти до дома.

Тереблю в кармане телефон, в надежде, что завибрирует, издаст хоть какой-то звук, оповещение, даст надежду, но мама молчит до сих пор.

Меня бросили, и это не в первый раз.

– Хорошо. Я даю тебе защиту, а ты сопровождение вечером. Вот дело. Ознакомься, – принтер раздает щелчок, и бумага летит в лоток, который я дергано забираю и читаю пункты. Мне нужно одеться исключительно в синее приталенное платье, каблук не больше десяти сантиметров.

– Прическа – сдержанные локоны, убранные назад, не мешающие мне и моему спутнику? Еще в рот мне загляни, как к лошади на рынке.

– Не буду. Меня не интересует твой рот. А вообще, кажется, у тебя нет выбора, поэтому придержи свой язык от таких вот высказываний.

– Но у меня нет и половины из того, что здесь написано. Ни платья, ни белья под платья, ни обуви и так далее, – он хмурится, а от его ледяного взгляда делаю шаг назад. – Я постараюсь все купить.

Злить его действительно неуместно, но далее по списку расписано подробно и поведение спутницы. Сдержанная и легкая в общении, ненавязчивая, но в то же время...

– Ты серьезно? И после этого я должна поверить, что это не эскорт?

– Уэлзи любит поболтать, приобнять, чувствовать себя желанным. Не более. Если ты сама с ним не уедешь, ничего не будет. У него в номере есть своя дама, которая не ездит на мероприятия, чтобы не светить своим замужним личиком, а он скучает один, поэтому женщина ему нужна для развле-

чения, а не секса.

Я уже собираюсь уходить, чтобы злиться хотя бы не в присутствии Власова, но в этот момент на стол кладется карта золотого цвета, переливающаяся от солнечных лучей.

– Мой водитель в твоём распоряжении. Теперь ты перемещаешься по городу исключительно с ним. Иванна, если пойдешь куда-либо одна, я не смогу тебя найти.

В ответ лишь моргаю, не найдя слов в ответ. Куда я могу пойти одна? В моем-то положении.

Выхожу, снова ловя на себе взгляды подчиненных. Не успела устроиться, уже тут всех раздражаю. Да, у меня вспыльчивый и ничем неудержимый характер. Да я такая. Но меня эта жизнь научила сопротивляться, защищаться и искать пути для выживания.

Если я буду тихой, то буду слабой.

Глава 7

Сказать, что я не ожидала увидеть Власова вместо водителя, это ничего не сказать.

А теперь представьте картину – я стою в вечернем облегающем платье, словно второй кожей, прилипшим к телу, насыщенного синего цвета, туфли-лодочки, прическа, сдержанный макияж. Я только что из салона красоты и меня водитель привез домой переодеться и оставить лишние шмотки дома. Я и представить не могла, что за этот час, проведенный дома водитель сменится.

Короче, представили меня и Германа? А теперь интерьер вокруг – старая советская не обшитая, серая пятиэтажка с раздолбанной лавочкой у подъезда и торчащей палкой с гвоздями.

Ужас.

Причем в прямом смысле этого слова.

Я и Герман не сочетаемся со всем этим.

– Милый райончик, – Власов так же замечает все это, открывая пассажирскую дверь.

– У меня осталось на карте не так много денег, чтобы снимать жилье в элитных районах города. Да и к тому же, не так далеко до работы, – улыбаюсь, а внутри все горит в данный момент.

Мы едем молча. Вся дорога занимает примерно полчаса,

но для меня целая вечность сидеть так близко с Германом в одном автомобильном салоне. Слишком близко, слишком сильно я чувствую его одеколон, цитрусовый вкус геля для душа и елово-древесная вонючка в салоне. Все смешалось и получился термоядерный коктейль, сводящий с ума.

Закрываю глаза, чтобы абстрагироваться. Вспоминаю мини-досье на американца, пункты моего поведения. Будет сложно сдержаться, если тот захочет обнять, поцеловать. Я этого Пола еще не видела, а меня уже мутит от его внешнего вида.

– Приехали, – стальной голос пробуждает из моих фантазий. Я придумала как буду сбегать, если пойдет все не по плану. Смешно, но я собралась вылезть из окна в этом платье, если вход будет закрыт.

– Надеюсь он не старый и не урод.

Сама выхожу из салона автомобиля и укутываюсь потеплее в пальто, которое я так же купила тремя часами ранее в дорогом бутике. Карту безлимит я потрепала по полной, но Герман и слова не сказал по этому поводу.

Власов лишь вздохнул на мой упрек и вольное поведение. Поставив на сигналку свою машину, мы пошли не вовнутрь помещения, а к другому автомобилю, уже поджидающему на парковке.

Прекрасно, меня сейчас передадут из рук в руки, как вещь какую-то и я сама, добровольно, дала на это согласие.

– Добрый вечер, Герман Юрьевич, – на ломаном русском

мужчина здороваётся и протягивает руку моему спутнику, совсем не обращая на меня внимания. Я же наоборот, разглядывала этого Пола с ног до головы. Все же мне с ним пару играть в этот вечер.

Симпатичный молодой человек, лет тридцати, не больше, худой, длинный, как шпала с зелеными глазами и светлыми кудрявыми волосами.

Неплохо, но не мой типаж, мелькает в голове и сразу же отгоняю непрощенные мысли. *Это всего лишь на один вечер, Иванна, потерпи.*

– Здравствуйте, Пол, – сразу же нарушаю пункт, в котором что-то о скромности и перемещаю на себя все внимание сразу двух мужчин. Если нам предстоит зайти туда вместе, под руку, так пусть он хотя бы знает, как я выгляжу.

– Добрый вечер, Иванну.

– Иванна, – он так мило коверкает мое имя, заставляя Германа улыбнуться. Ему очень идет и почему такие мужчины всегда ходят с суровыми масками на лице?

– Пойдемте. Дама уже замерзает.

Герман отворачивается от нас, а Пол предлагает свою руку, как опору.

Меня злит, что этому мужику нет дела до меня. Любая женщина бы прокляла его уже за это. Но я не буду, и не рассчитывала, что этот Власов возьмет и влюбится, как в Золушку.

Он обещал меня защитить и этого достаточно. Я ведь до

сих пор постоянно проверяю телефон в ожидании звонка от мамы, но время вышло, и я до сих пор жива.

Точно. Время вышло три часа назад, а я иду в ресторан с мужчиной.

Я дышу, живу и кажется, в безопасности сейчас.

Весь вечер я стараюсь держаться поблизости с Полом или Германом. Постоянно жду чего-то плохого для себя. Боюсь увидеть в толпе опять ту страшную рожу бандита, который приходил вчера вечером.

Может он сейчас как раз возле моей квартиры ждет меня с автоматом в руках или куда страшнее в самой квартире сидит в старом кресле.

Прижимаю ближе свою маленькую сумочку, в которой все документы и деньги. Я больше не рассчитываюсь картой. У меня страх, что так тоже легко вычислить человека.

Мы с Полом подходим к какому-то мужчине и тот начинает говорить на чистом немецком языке. Я вижу ужас и непонимание в глазах Уэзли и решаю прийти на помощь с переводом.

Английский я никогда не изучала. Я жила среди людей, говорящих на этом языке, а немецкий был моим вторым иностранным языком, который мне хотелось знать для души. Мне кажется он красивым, да и изучать было легко.

– И сколько у тебя талантов? – Герман подходит со спины, в тот же миг, когда я откусываю тарталетку с фуршетного стола.

– Нельзя так пугать людей, – чуть не давлюсь маленькой креветкой.

– Ты меня просто удивила.

– Вы облажались. У вас тут какая-то немецкая «шишка», а переводчика нет, – смеюсь, чувствуя себя на вершине успеха.

– Хорошо, что у нас есть ты, – делает глоток минералки прямо из горла бутылки и ставит ее обратно.

– А как же манеры? Тут же ходят официанты, наливают в специальные бокалы

– Поехали. Пол уже ждет у гардероба.

Герман отрубает мои язвительные высказывания и уходит. Я бегу за ним, не замечая никого вокруг.

– Как уходит? Не то, чтобы я расстроилась, но мы тут меньше часа? Я зря вмешалась в разговор? Надо было прикинуться дурочкой? Прости, я не подумала.

На лестничной клетке почти врезаюсь в его широкую спину. Герман смотрит на меня каким-то презрением. Мои слова явно попадают в цель. Я не должна была переводить. Если не было переводчика, значит это было намеренно.

– Я все испортила?

Меня будто душить начинают, воздух заканчивается в легких. Начинаю тяжело и быстро дышать. Внутри нарастает паника. Власов лишился партнера, а значит я его защиты.

– Не бери в голову. Если Пол вложится в немецкий бизнес, то прогорит.

Когда мы подходим к парковке, замечаю пустое место там,

где стоял внедорожник американца. Он уехал, оставив меня одну, даже не попрощавшись. Некрасиво, это как минимум, но паника внутри меня далеко не по этому поводу.

– Я боюсь ехать домой, – шепчу дрожащими губами. Мой голос надломленный.

– Предлагаешь мне отвести тебя к себе?

– Нет, но не домой. Ты обещал защитить.

– Ты обещала молчать и улыбаться, как красивая кукла.

– Прости. Я не подумала, – прикусываю губу и обнимаю себя, чтобы хоть как-то унять дрожь. Смотрю испуганными глазами на безлюдные улицы, мимо которых проезжаем. Отсчитываю обратно то же самое время. Не так много времени остается. Дороги стали почти пустыми, поэтому обратный маршрут должен быть еще быстрее.

Не знаю, чего я ожидала после своей выходки, но добилась лишь неутраченного гнева со стороны Германа.

Через полчаса я буду дома, а там неизвестность.

Глава 8

После двенадцати принцесса снова превращается в Золушку?

В моем случае да.

Герман отвозит меня в гостиницу, где камер больше, чем посетителей. Я не могу заплатить за номер, но с облегчением вздыхаю, когда Власов сам проводит картой и мне выдают пластиковую карточку с гравировкой цифр номера.

– Спасибо, – прячу от него глаза. Мне неловко от столь интимного момента. Мы друг другу никто, я вообще развлекала его компаньона, пока сама же не облажалась, а теперь он привез меня в гостиницу. Ну не к себе же его теперь звать?

Замираю, не зная, что сказать еще.

– Здесь безопасно. Завтра на работу не приходи, – отрезает Герман, а я смотрю удивленными глазами.

– Все-таки увольняешь? – немой смешок проскальзывает на губах.

Конечно, зачем ему со мной возиться. Сейчас отправит меня куда подальше, вот и все. Я и сама думала так исчезнуть, но мне связей не хватает, чтобы все выглядело правдоподобно.

Мой взгляд тухнет от собственных мыслей, но я стараюсь не показывать эмпатии к данной ситуации. Прямо сейчас, да и вообще, на протяжении всего вечера я действительно

чувствовала некую безопасность, хоть и понимала, что все это лишь на время.

Сейчас я это чувствую особо остро, но опять же, скорое одиночество не дает мне насладиться спокойствием и умиротворением.

Сейчас Власов уйдет, и я снова затрясусь, как осиновый лист на ветру от беспомощности и страха.

– Пока не придумал, что с тобой делать, но ты ведь не собиралась действительно работать у меня?

– Может и собиралась. Мне ведь нужно на что-то жить.

– Не звони сегодня никому. Просто ложись спать и все.

– Почему?

– Просто послушай и не задавай вопросов. И никуда не выходи. Я сам за тобой заеду.

Сглатываю. Герман не говорит кому не нужно звонить, но опускание этого момента ведь не означает, что я не понимаю. Он говорит о маме. О самом родном мне человеке на всем белом свете, но которая до сих пор ничего не сделала, чтобы защитить.

«Не выйду», – говорю про себя, одними глазами.

Мы прощаемся достаточно быстро, сухо и без лишних слов.

Захожу в достаточно прохладный лифт, потом длинный коридор. Оглядываюсь по сторонам, бросаю взгляд на потолок, – камеры. Их достаточно много, и я понимаю, что Герман прав, если со мной что-то случится, то сразу выяснится,

кто стоит за всем этим.

Но ведь все камеры можно попросту отключить?

Ну почему я резко стала такой трусихой?

Делаю глубокий вздох, еще раз оборачиваюсь и только после этого останавливаюсь возле нужной мне двери и после характерного звука, юркаю внутрь своего убежища.

Довольно неплохо.

Но меня ничего не радует в этот момент.

В ванной я включаю воду и пока жду нагрев температуры до достаточной температуры, срываю с себя это платье, напоследок отломав заевшую собачку. А после размазываю идеальный макияж, смешанный с водой и солеными слезами.

Нет, я его не люблю, наоборот, меня накрывает от злобы к этому мужчине. Я совершенно не расстроена, что Герман не влюбился в меня с первого взгляда, но и в то же время, мне до хрипоты и давления в грудной клетке обидно за свою роль, отведенную на этот вечер. И я сыграла эту роль, несмотря ни на что. Я сумела найти в себе силы и появиться на этом вечере с гордо поднятой головой.

Папа бы мною гордился.

Я говорю о родном отце, а не о многочисленных мужиках моей матери, которыми она его забывала. У них была любовь до гроба, и эта любовь просто сгорела в один не самый счастливый для нас день.

Мой отец попал в аварию, его сбили на пешеходном переходе в день моего рождения, через который он переходил с

мягкой игрушкой и большим букетом цветов.

Для меня.

Мне тогда исполнялось восемь лет, и я училась в первом классе.

И я до сих пор помню агонию своей матери и крах нашей счастливой семьи. В наших отношениях тоже что-то надломилось, только я до сих пор не понимаю, что именно.

Я бы хотела любить, я бы хотела семью, но только такую, какая у меня была. Я запомнила его таким, через призму детских глаз. А все эти многочисленные романы моей матери, а уж тем более ее Игорь просто нашествие беды, созависимые отношения, ругань, алкоголь и в итоге долг, который я не знаю, как покрыть.

А сейчас я завишу от мужчины, который дышать одним воздухом со мной долго не может. Я ведь видела, как он торопился исчезнуть вечером, искал нужные слова, чтобы оставить меня и уйти.

И вот это вот тошно понимать. Власов ведь обещал защитить, а не просто оставить в номере отеля под прицелом камер, которые так легко повредить, если сильно захотеть.

До двенадцати дня я сидела в своей клетке, не понимая сколько и чего я вообще жду. Всю ночь мне снились кошмары, сна не было и к обеду я сдалась.

– Я всего лишь подышу воздухом. Никто не узнает. Да и на территории отеля меня ведь не посмеют похитить? – Разговариваю сама с собой. Успокаиваю и в спешке натягиваю

свое платье, то самое, которое ночью порвала дрожащими руками, впуская в легкие кислород.

– Застегну пальто, и никто ничего не заметит.

Но как только я выхожу на улицу, угрозы повторяются

Смс одно за другим сыпется с бешеной скоростью на мобильник, пока я просто стою возле лавочки, не решаясь сесть. Но когда угрозы становятся жестче, я просто плюхаюсь без сил на нее и начинаю оглядываться по сторонам. Меня трясет, выворачивает. Я в каждом прохожем ищу того самого палача, да и людей вокруг катастрофически мало, что я прям вглядываюсь в каждое лицо.

Власов просил не выходить, пока он не приедет за мной, и что я в итоге сделала? Нарушила сразу же свое обещание.

Быстро подскакиваю и бегу обратно. В номер. Обратно. В безопасность.

Сердце бьется буквально в ушах, дыхание сбивается ментально, словно я бегу целый марафон. На лице – холодный пот, ноги едва держат.

Я бегу со всех ног внутрь, но тут же сзади раздается шум двигателя, заставляя обернуться. Надежды на спасение мало, но я не собираюсь сдаваться без боя.

Машина та самая, что и у компании Власова. И вдруг, прежде чем я успеваю что-либо предпринять, из машины выскакивают двое. Один – высокий, с жестким взглядом, другой – в маске, но что-то мне подсказывает, что я его знаю. В подъезде своей квартиры я уже видела эти черные бешеные

глаза, которые не скрывает даже маска. Их руки быстро хватают меня за плечи, и я, как в замедленной съемке, понимаю, что проиграла. Я физически не успела добежать, тем самым подписав себе приговор.

Пытаюсь вырваться, кричать, бить ногами, но за спиной у меня уже холодная цепкая хватка.

Меня без колебаний, не щадя, запихивают внутрь салона.

Все, что у меня было так это ощущение, что я теряю контроль над спасением и собственной жизнью.

Внутри салона душно и ужасно тихо, лишь еле уловимое тяжелое дыхание и шум мотора. Я пытаюсь разгадать, куда меня везут, понять, есть ли шанс выбраться, но в этот момент на глаза опускается черная повязка, затянутая в тугий узел.

В этот момент понимаю только одно, – надо срочно спасти себя, пока есть хоть один шанс. И, может быть, если повезет, я сумею выбраться из этого кошмара живой.

Глава 9

Первое, что чувствую – страх, перемешанный с ужасным адреналином. Еще и голова раскалывается, будто со всей дури ею звезданули об стену.

В помещении полумрак, и жутко пахнувший воздух выворачивает наизнанку. Кружу взглядом, не понимая, за что зацепиться. Пустые стены, лавка в углу и раковина без крана, покрытая толстым слоем пыли.

Меня похитили, и неизвестно, сколько времени я была в отключке до этой минуты.

Тело сковывает, когда понимаю, что ужасно хочу есть. Желудок урчит и сводит от голода.

Пальцы дрожат от бессилия. Я понимаю это по тому, как язык прилип к нёбу, и невыносимо хочется пить. Но вокруг меня не было ни капли воды, и это убивало еще сильнее.

Может, мне и жить осталось пару часов, пока я не умру от голода? Голова начинает резко кружиться, когда пытаюсь встать, поэтому решаю не шевелиться. Просто сидеть и ждать.

Когда-нибудь все это закончится.

Пытаюсь пошевелиться. Запястья ноют, и хочется плакать. Скорее всего, меня связывали, судя по повреждениям на руках, но я ничего не помню. Вообще ничего. Меня затолкали в машину, а дальше – пустота. Мысль холодила силь-

нее, чем бетонный пол под спиной, к которому я отчаянно прижималась.

– Дыши, – приказываю себе. – Нельзя так просто сдаваться и терять веру в себя.

Вдох. Выдох. Счет до десяти.

Паника – мой главный враг. Она делает слепой, а слепых не спасают.

Нужно искать выход, он должен быть. Я буду спасать себя, пока последние силы не иссякнут. Я не позволю себя сломать.

Понимаю, что мама, возможно, поняла, что я пропала. Я ведь не выхожу на связь. Сколько дней? А может, она и не пыталась позвонить?

А Власов?

А потом я вижу еле заметную камеру у входа и долго смотрю, боясь отвести взгляд. Они следят за мной. Наблюдают. Чувствуют мое смятение, боль, панику и страх. Я все это показываю одним лишь взглядом и ничего не могу с собой поделать.

Вот она я, очнулась. Что дальше?

Я хочу задать свой вопрос вслух, но грабители будто читают мои мысли, и дверь в эту камеру отворяется, даря наконец свежий воздух в легкие. Его так мало, невыносимо мало. Я не успеваю надышаться вдоволь, как дверь снова закрывается за его спиной, и я опускаю глаза, чтобы не смотреть. Все равно ведь ничего не увижу: в глаза словно песка насыпали,

а сил нет, чтобы подняться с пола, на котором я лежу.

– Ты спала двое суток, – я узнаю этот голос. Он давал мне сутки на выдачу месторасположения Игоря, а я не нашла. Проигнорировала приказ и доверилась Власову, который не смог защитить.

Хотя я дура, сама ведь вышла наружу.

– Вы мне что-то вкололи? – шепот срывается с губ. Я очень хочу пить, дышать трудно, не то, что говорить, но бандит лишь улыбается и игнорирует мой вопрос. Я думаю про это, потому что голова гудит до невыносимости и тело сводит, но, опять же, я спала двое суток. Почему я не проснулась раньше?

– Я же сказал, что найду тебя, или ты действительно думала, что умнее? Хотя готов признаться, нервишки ты мне помотала. В гостиницу самого Власова не так легко пробраться, – снова гнилой хохот, от которого кровь в жилах стынет. Гостиница Власова?

У него еще гостиничный комплекс, в котором он меня укрыл от всего, а я, по сути, сбежала. Сама вышла наружу. Я снова все испортила и теперь не понимаю, сможет ли Герман меня спасти.

А будет ли он меня спасать?

Вот такой вопрос я должна себе задавать, ведь он предупредил, просил не выходить, пока не разрешит, но я подумала, что на территории ничего не произойдет.

– Отпустите меня. – Смотрю на него умоляюще, но не по-

могает. Он наклоняется надо мной. Дышит прямо в лицо, а у меня кишки сворачиваются от страха. Хочется отвернуться, но меня будто парализуют черные, адские глаза, нацеленные на мое лицо.

– Ты ведь знаешь, зачем я здесь? – говорит, постукивая пальцем по коленке. – Игорь. Где он сейчас?

Сглатываю. Пытаюсь собрать мысли, но они рассыпаются, как пепел. Двое суток. Я не ела и не пила двое суток. Я спала двое суток.

– Не знаю, – хриплю вместо ответа. – Я не нашла его.

Я не лгу, мама так и не выдала, не проговорилась и решила спасти любимого, а не дочь, напоминающую о несчастной жизни. По ее мнению, ведь я сломала то светлое, к чему она так стремилась в этой жизни.

Глава 10

Герман

Я нашел ее ровно через два дня и сразу же отследил запрошенный дом, в котором ее держат.

Сижу уже второй час в тачке и жду, пока мне доложат информацию. Если честно, нервы на пределе, но я обещал это время для разработки четкого плана. Лучше не торопиться, чем наломать дров и опоздать.

Внутри меня сейчас не огонь. Огонь сжигает, оставляет пепел и дыру. Во мне лед, плотный, тяжелый, давящий на ребра. Он не дает нормально вздохнуть, но не дает и сломаться. Я сжимаю телефон так, что пластик тихо скрипит в ладони. Костяшки белеют при сжимании. Боль – это хорошо, она держит в реальности, не дает провалиться в тот кошмар, где она уже не дышит. А иногда мне именно так кажется, и я молюсь, чтобы не опоздать в ожидании непонятно чего.

– Говори любую информацию, – мой голос ровный. Даже слишком ровный.

Координатор глотает и меня это капец как выводит из себя.

– Герман Юрьевич, мы перекрыли все выезды. Камер нет, в помещении пусто. Видны следы людей в виде недоеденной еды, воды и окурков в разных частях. Сейчас там никого нет, кроме девушки, и я выяснил в какой комнате они дер-

жат свой объект. Остается вопрос о том, к какой организации относятся похитители, но это дело времени.

Объект.

Как сильно режет это обычное слово, но я продолжаю слушать своего человека, понимая, что ждал не зря. По крайней мере теперь я точно знаю куда идти в этом огромном здании в несколько тысяч метров.

– Понял, – перебиваю я, не повышая голоса.

Они думают, я сейчас взорвусь, начну крушить, орать, требовать невозможного.

Нет.

Кричат те, кто теряет контроль. Я его не теряю. Я его сжимаю до предела. Моя ярость не разливается лужей, а концентрируется во взгляде, плане и решении, которое я уже принял, пока они еще моргают.

– Все готовы? – спрашиваю, зная ответ. Отрицательного просто не может быть в данный момент и когда на другом конце провода слышу утвердительное «да», вздыхаю с облегчением.

Скоро я освобожу тебя, маленькая дрянь, забравшая мой покой на двое суток. Я же обещал защитить, обещал, но не сдержал слово. Впервые не смог сдержать слово и от этого злость накрывает еще сильнее.

В гостинице никогда муха не пролетала без моего согласия, а тут похищение. Я бы порвал любого, но увидев по камерам, как Иванна сама вышла на улицу, готов был порвать

лишь ее. Но ее самой под рукой как раз и не оказалось.

Я дал слово, и я сдержу его, чего бы мне этого не стоило. Тем более воровать людей под моей защитой это уже задевать меня лично, и я не могу стоять в стороне.

Захожу в то самое помещение, понимая, что с соседних домов в спину мне дышит моя же опора в лице снайперов.

Захожу в коридор. Воздух режет легкие. Меня никто не останавливает, никто не преграждает путь, а я достаю телефон, на котором установлена специальная программа. Приходит смс: *«Все чисто. Заходи»*.

Еду за ней. И ничто – слышите, ничто не встанет между нами.

И я захожу.

Я медленно открываю эту тяжелую дверь и вижу Иву, свернутую калачиком на грязном матрасе.

Вид у нее, конечно, измотанный, но сейчас мне главное, что живая.

– О, Герман. Пришел меня добить? – девушка еле приподнимает голову, пытается сфокусировать взгляд на моем лице, но голова быстро падает обратно, теряя последние силы.

– Выглядишь не очень, – пытаюсь шутить.

Подхожу ближе и развязываю ремень на запястье, который привязан другим концом к ржавой трубе. Будто в таком состоянии она способна на побег.

– Я тебя ненавижу, – шепчет над ухом, когда я пытаюсь поднять. Меня не цепляют ее слова. Точнее цепляют, но дей-

ствуют по-другому, не как обычно.

– Ты сама виновата, но давай позже.

– Я не пойду с тобой никуда. Ты тоже враг, – пытается оттолкнуть, но силы не равны. Невольно улыбаюсь, но потом понимаю, что времени на прелюдию у нас нет.

– Ива, перестань, – слегка заламываю руку, чтобы не мешала.

– Уйди, Игорь

Только сейчас всматриваюсь в глаза и вижу только отрешенный неменяемый взгляд. Я будто ее галлюцинация в разных обличиях и сейчас непонятно с кем именно она разговаривает, представляет и ненавидит.

– У тебя нет времени думать. Или ты мне не мешаешь, либо я вынесу тебя с силой.

Пару секунд требуется, чтобы Иванна обмякла и перестала мешать. Она всматривается в мои глаза и будто сдается.

– Спаси меня, пожалуйста. Я пить хочу. Я все сделаю, только спаси меня от них. Мне страшно, – затыкаю ладонью ей рот. Ива явно не в себе, и я совершенно не понимаю куда ее теперь вести в таком состоянии. Ее поведение меняется по щелчку пальца и это не нормально.

Молча выношу ее на руках. Мои люди зачищают периметр, поэтому я даже не оглядываюсь. Мой мир сузился до веса ее тела в моих руках и тепла, которое медленно проникает сквозь ткань.

На улице испортилась погода. Резкий, чистый и холодный

воздух бьет в легкие. Она вздрагивает. Я плотнее прижимаю ее, закрывая плечом от ветра. Сажусь в бронированный салон. На сиденье уже лежит плотный плед и термос. Укутываю. Проверяю пульс.

Сажусь рядом. Беру ее ладонь. Холодная, пальцы дрожат. Тянусь в бардачок за бутылкой воды, но Ива закрывает глаза.
– Спи, – тихо шепчу.

Ива снова распахивает широко глаза и сужает быстро обратно. Снова боится, но видя меня не вздрагивает. Доверяет.

Машина трогается. Город плывет за тонированным стеклом размытыми огнями. Впервые за пятьдесят часов выдыхаю и немного расслабляюсь. Лед внутри тает.

Не понимаю, когда эта птичка осела глубоко внутри меня, наверное, когда пришла впервые, осмелившись попросить помощи, после такого резонанса отчима. Я тогда усмехнулся, но позавидовал храбрости, исходящей от нее вместо всех флюидов. А потом она шлифанула все на том вечере, с Полом.

То, как она держалась, как преподносила себя, как легко выходила из любого положения, хотя ей было четко сказано просто стоять рядом. Но тогда мне казалось, что ее слишком много и мне чертовски это нравилось. Когда Иванна попросила помощи я уже ехал в гостиницу, понимая, что только там безопасно. Я не учел лишь одного, что чертовка не согласится на роль жертвы, заточенной в четырех стенах. Тем самым усложнила свое и так шаткое положение, но я не мог

просто махнуть на нее рукой и забыть.

Сейчас я понимаю лишь одно, – я скорее сожгу этот город, чем позволю кому-то снова к ней прикоснуться.

Глава 11

Закрываю лицо руками, а потом потираю пульсирующие болью виски. Голова будто раскалывается, а звенящая тишина давит сильнее ультразвука.

Я медленно открываю глаза и не понимаю, где нахожусь. Милая, уютная спальня, резной комод и такого же цвета шкаф в углу. На маленьком журнальном столике стакан воды и какая-то книга, букв не вижу и это пугает. В глаза будто песка насыпали.

Пытаюсь подняться, чтобы лучше рассмотреть комнату, да и вообще понять свое состояние, но тут же плюхаюсь обратно, не в силах держать собственное тело.

За окном барабанит дождь. Я отчетливо слышу капли по крыше и, поворачивая голову вбок, понимаю, что слух, в отличие от зрения, не подводит.

Вот только я больше ничего не слышу, никаких больше звуков.

Я точно помню похищение, точно помню, что очнулась в том страшном пугающем месте. Я даже могу с точностью описать тюрьму, в которой меня держали и те сверкающие глаза, которые выпытывали информацию но вот как оказалась здесь? У меня будто провалы в памяти, которые всплывают, но я не могу соединить эти урывки.

До сих пор в ноздрях затхлый запах сырости, скрип двери

и шаги, от которых внутри все сжимается. Хочется кричать от жуты, но я не могу и пискнуть. Озноб пробирает, тело ватное и не слушается, не поддается.

Пытаюсь снова встать. Заставляю себя пошевелиться и боль резко отдается в спине. Я пишу от боли, но стараюсь быть максимально тихо, чтобы не привлекать внимание.

Только сейчас замечаю перебинтованную лодыжку. Сердце начинает колотиться еще сильнее. Поочередно сжимаю конечности и когда понимаю, что чувствую собираю все силы воедино и пытаюсь встать снова. С третьей попытки получается и я робкими скользящими ладонями держусь за стену и делаю шаг за шагом к приоткрытой двери. Невыносимо больно, но я кусаю губы до одури и стараюсь не замечать эту боль.

Я поплачу позже, а сейчас нужно выбраться подальше от этого места.

Я видела Власова в тот день, когда ждала своего палача. Это он меня выкрал. Он был заказчиком. Это он ведь поселил меня там, в гостинице и только он знал где я.

Слезы стекают по щекам, когда я понимаю кто меня предал, точнее, оттого, кому я доверила свою жизнь. Я ведь доверяла. Мама сказала, что он поможет и я доверяла.

Зачем?

Я ведь его не знаю и ничего про него не знаю, чтобы вот так доверять как себе, но страх затмил все перед глазами, и я ему поверила.

Замираю на красивой, широкой витиеватой лестнице, ведущей вниз. Оборачиваюсь, но никого не вижу. Нет охраны.

Делаю шаг вперед.

Еще один.

Я медленно спускаюсь вниз и останавливаюсь, просто столбенею, когда слышу голоса за стеной. Прижимаюсь, будто пытаюсь сравняться с бежевой стеной и стараюсь не дышать.

Резко распахиваю глаза, будто от удара. Я словно стою сейчас над пропастью и вот-вот упаду. Грудь широко вздымается, но я стараюсь изо всех сил не издавать ни звука. Мучительно тяжело осознавать, что все мои страдания лишь начинаются и живой мне точно не выйти. По телу расплзается агония, но я молю себя держаться и не выдавать себя.

Голос Власова я ни с кем не перепутаю и сейчас он с кем-то спорит с женщиной.

Восстанавливаю дыхание и прислушиваюсь. Я должна знать, что ждет меня в этом особняке.

– Ты в своем уме? Герман, о чем ты вообще думал, когда вез ее сюда?

– Больше некуда и я прошу помощи. Иванна спит уже больше суток, а ты медик. Сделай хоть что-то, – нервно произносит.

– Герман, если ее тут будут искать

– Не будут.

Наступает тишина, а я не понимаю, что они там делают.

Может сюда надвигаются, но я не слышу шагов. Отступаю на шаг назад.

Лучше замереть или вернуться обратно?

Реальность замедляется, когда я пяткой задеваю вазу, падающую на пол. Осколки с характерным хрустом разбиваются, и я зажимаю рот руками, не зная, что мне делать дальше.

Герман

Ее сердце колотится оглушительно громко, словно ждет от меня приговор. Иванна вместо того, чтобы замереть, пятится назад. Старается держаться на расстоянии, не подпускает близко. В ее глазах бешеным пульсом читается страх.

Атмосфера накаляется до предела.

– Иванна, тут ты в безопасности, – стараюсь говорить без давления.

– Ты уже говорил эти слова в гостинице, – не верит. В коричневых глазах сверкает свирепость, приправленная сомнением.

– Я понимаю твое недоверие, но может ты остановишься.

Ива, крадучись, отступает, а я не могу давить и пугать окончательно. Не помню, чтобы вот так доказывал девушкам что-либо, но сейчас я хочу, чтобы она поверила мне.

– Это ты дал команду, чтобы меня выкрали? Ты ведь единственный знал, где я, – сглатывает.

Ее глаза бегают по помещению. Она ищет помощи, за что зацепиться, найти хоть одну зацепку. В этот момент Люба выходит на помощь.

– Герман, не представишь мне свою гостью? Все же она находится в моем доме, – радушно улыбается, показывая максимальное гостеприимство.

– Любовь, это Иванна, – выдыхаю. – Твоя временная гостья.

Люба тихо и уверенно делает шаг вперед. Шелковое платье шелестит, в воздухе появляется легкий шлейф сандала и травяной горечи. Она смотрит на Иванну, показывая добрые намерения со своей стороны.

– Добро пожаловать, Иванна, – говорит Любовь мягко, но достаточно твердо. – Здесь никто не посмеет тебя тронуть. Ни сегодня, ни завтра. Это мой дом и в нем всегда безопасно, иначе я бы тут не жила.

Иванна вздрагивает, приобнимает себя, а ее пальцы впиываются в край свитера. Она ищет подвох в каждом слове, в каждой интонации, но женщина не делает резких движений, просто стоит и ждет хоть какой-нибудь реакции в ответ.

– Я тут не останусь, – быстро дает ответ Руднева, прежде чем я понимаю, что это твердое и решительное нет.

Люба отворачивается от нас и быстро идет по коридору к выходу. Ее даже не волнует, что я могу наброситься со спины, схватить и отнести обратно в комнату, из которой она вышла. Она просто сбегает, думая, что там безопаснее. Ивана не верит мне, думает, что я виновник ее бед, но я действительно защищал.

– Иванна

– Герман, не нужно. Я сама поговорю с ней, – Любовь останавливает меня легким движением руки и направляется следом, оставив меня одного в пустом коридоре моего дома.

Глава 12

– Как мне выбраться? – эта женщина идет за мной, и я не выдерживаю. Оборачиваюсь, чтобы узнать ответы на интересные сейчас вопросы.

Нога все еще ноет, но достаточно терпимо и я верю в себя. Я должна дойти до действительно безопасного места, а лучше сразу в больницу на осмотр.

Тут я не останусь. Было уже точно безопасное место, да и не чувствую я больше той самой безопасности рядом с Власовым.

– Тут ходят маршрутки. Можно вызвать такси. Можно в принципе и пешком до аптеки, если тебя интересует нога. Но я бы на твоём месте осталась, на ногу нельзя давать резкие нагрузки. Я понимаю, что это только царапина, но я эту царапину все же зашила и ты ходишь благодаря обезболивающему. Ива, я точно знаю, что Герман просто так не привез бы тебя ко мне.

– Зашила? – ей удастся меня остановить.

Очень хочу спать, хоть и спала несколько суток, а еще я хочу пить, но когда я услышала голос Германа, то забыла про все. Осталось лишь желание убраться как можно дальше из этого дома.

– Возможно, они так тебя пытали. Может еще что, я не могу ответить, но порез от ножа достаточно ровный, будет

еле заметный шрам, когда все заживет. Не будет ничего видно, не переживай. Но я бы не хотела, чтобы ты угодила обратно в их логово. Герман в следующий раз может не успеть.

Паника в теле нарастает, и я давлюсь от нехватки кислорода. Меня пытали? Я ничего не помню. Я вообще ничего не помню, кроме отдельных кадров, которые даже соединить не могу между собой.

– И поэтому он привез меня к любовнице?

– Я не любовница. Я понимаю, что в это трудно поверить и принять, но Герман мой друг, точнее он был другом моего мужа. Может когда-нибудь мы поговорим и об этом. Ива, я врач, я смогу тебе помочь и могу точно заверить, что сюда никто не придет за тобой.

Эта женщина так внимательно на меня смотрит каким-то добрым проникновенным взглядом, заставляя меня задуматься над ее словами.

Даже если и любовница, какая разница. Мне-то какое дело до его личной жизни?

Злюсь на себя от бессилия. Я не верю Власову, но я верю отчасти ей.

Оборачиваюсь по сторонам, достаточно ухоженный сад, беседка, зона барбекю и двухэтажный особняк. Вдали я вижу охрану, но меня успокаивает этот факт. Значит, все же, под охраной.

– А далеко до остановки?

– На соседней улице. Если хочешь, я могу тебя отвезти,

только скажи куда. Я сейчас предупрежу Германа, что мы выезжаем, – женщина поворачивается спиной и торопливо двигается обратно к крыльцу.

– Не нужно. Я останусь. Мне мне некуда пойти, – немного поразмыслив, принимаю собственное поражение. Мне действительно некуда бежать, хоть и здесь оставаться опасно. Я останусь на несколько дней и спокойно все обдумаю. Бежать, хромой, без оглядки невыход из моего положения. – Тем более у меня болит нога и нужен осмотр.

В голове сумбур и суматоха. Мыслей целый рой, но я заглушаю все, что творится в голове и бреду обратно в дом, туда, где стоит сейчас Власов и ждет моего решения. Я точно знаю, что он заказчик, и точно знаю, что от него не убежать, поэтому лучше полностью восстановиться и осмыслить каждый шаг.

– Я рад, что ты одумалась, – сталкиваюсь на пороге с его холодными, но одновременно с радостными глазами победителя. Я позволяю ему ощутить этот вкус победы, оставив последнее слово за собой.

Похрамывая, иду обратно и плюхаюсь в ближайшее кресло, выдохнув с облегчением от нарастающей боли.

– Я тут ненадолго, – шепчу, чтобы не услышал, но кажется Любовь одобряюще кивает на мое высказывание.

– Иванна пока погостит у меня, а тебе лучше уехать решать свои проблемы. Я о ней позабочусь, не переживай.

Женщина по-доброму гладит Германа по плечу, а я глаз

не свожу с этой пары.

Зачем я ему? Чтобы отомстить отчиму? Чтобы сделать кому-то больно или он просто играет со мной как с собственной мышью?

– Хорошо, пусть отдыхает. Тебе лучше сейчас не наступать на ногу какое-то время, чтобы зажила, – мешкает передо мной, скорее всего хотел подойти, но я останавливаю одним лишь взглядом, показывая презрение со своей стороны. Советы он мне тут будет раздавать, сама справлюсь. Как только восстановлю силы, так сразу же и сбегу, не оставив никаких зацепок. Я не буду находиться рядом с человеком, который желает мне только смерти.

Герман вышел из дома молча, не попрощавшись даже с Любовью, а я так и сидела, глотая обиду и злость на него и себя, за то, что доверилась.

– Не злись на него. Он не виноват, хоть ты и думаешь сейчас по-другому, – Любовь садится рядом с подносом чая примерно через сорок минут. Господи, я все это время думала, как бы исчезнуть с лица земли и как отомстить Власову за все, что он со мной сделал. Я же чуть не погибла.

– Я его видела и это он меня привез в гостиницу. Факты говорят об обратном и вам я не доверяю.

– Но ты тут осталась. Значит теплится еще надежда, и вообще иногда все не так, как на самом деле, – улыбается, разливая заварку по фарфоровым милым кружечкам.

– Я тут временно. У меня болит нога и мне некуда уехать.

Я сжимаю пальцы. Боль в лодыжке пульсирует, отдает жаром в колено, тянет вниз, к полу. Я не хочу, чтобы она это видела. Не хочу, чтобы кто-то видел, как я мучаюсь от боли, поэтому я сжимаю челюсть и стараюсь не думать о боли.

– А потом будет куда? Если некуда поехать сейчас, то и потом не найдется такого угла, – говорит утвердительно, сверля меня своим взглядом. Ее слова заставляют задуматься. Да, некуда будет, но я найду выход.

– У меня хотя бы перестанет болеть нога. Кстати, у вас красивый дом.

– Спасибо. Это дом Германа. Он его купил для меня, но я отказалась записывать владения на себя. Мне легче, что это его дом, – ее слова режут без ножа. Я ставлю чашку на стол, почти роняя фарфор из рук. Если бы я знала, что остаюсь в его доме, то никогда бы не осталась. Любовь же, наоборот, сидит как статусная женщина и спокойно говорит мне данную информацию. Ее взгляд изучает меня и мне хочется уйти обратно в свою комнату.

Все это не поддается моей логике, а интуиция просто кричит, что я зря осталась. Вообще, приехать сюда было огромной ошибкой, и если бы не мама, я бы сейчас была в другом городе. Не факт, что там было бы безопаснее, но там бы точно не было Власова.

Дом Германа.

Он купил для нее дом, а теперь и меня в нем поселил.

Кто эти двое друг другу и почему я оказалась в таком дерь-

me?

Глава 13

Открываю резко глаза и всматриваюсь в идеально чистое небо. Вдыхаю свежий аромат и понимаю, что не чувствовала такой легкости уже давно. Даже плечи выпрямились, хоть доверять в этом доме я никому не начала до сих пор.

Но мне не хватало этой свободы, которую я чувствую в данный момент.

Вчера я даже вызвалась приготовить ужин, увидев, что Люба возится в грядках.

В ушах загрохотал сумасшедший пульс, когда перед собой я снова увидела Любу. Мы почти не виделись и соответственно не разговаривали. Я избегала ее, а сейчас она сидит передо мной, явно собираясь прервать молчание.

– Ты смотришь на меня так, будто ждешь подвоха. Я могу ответить на все твои вопросы. Не терзай себя догадками, – ее голос ровный, а во мне начинает все сжиматься.

– Он привез меня сюда. Спрятал. Вы здесь одна. Это дом Германа. Вы просто друзья. Но он вам доверяет. Я тут пленница. Я не понимаю, почему он меня не отпускает. Зачем мучает. А еще у меня шрам на ноге. Продолжать?

Люба усмехается, но мне не до шуток. Если это все подстроил Власов, то там, за стенами этого дома мне ничего не угрожает, и я могу просто выйти и уйти. Но я до сих пор тут. Чего я боюсь?

– Они были друзьями, – Люба начинает разговор, игнорируя факты, кричащие во мне. – Михаил и Герман. Миша мой муж, мой единственный мужчина, которого я когда-либо любила. Они были школьными товарищами, потом партнерами в общем бизнесе. Потом Миша открыл собственное дело. Я тогда работала на конкурентов, но любовь оказалась сильнее, и я ушла с очень хорошей должности. Если честно, меня должны были убить сразу же, я ведь могла раскрыть все цифры и потопить, но я никогда не смешивала работу и личную жизнь. Ну это так, чтобы ты понимала немного мои чувства. Миша меня защищал, я действительно чувствовала себя в безопасности. А когда его убили, бизнес, долги, старые связи, сразу же активизировались. Его убийство было заказным, и я должна была быть следующей. Квартиру обстреляли, но я чисто случайно в ту ночь осталась у подруги, потом взорвали машину, я не дошла до нее каких-то пару метров. После попросила помощи у Германа, и он меня спрятал. Тут тихо, спокойно. Для всех я умерла. У меня новые документы, новая жизнь и даже лицо после пластической операции. А, и дом, который записан на его имя. Я оборвала все, что было у меня в прошлой жизни. Все мои подруги и родственники меня похоронили. Как ты поняла, я боюсь каждый день, что меня найдут, только поэтому я была против изначально твоей компании, но Власов помог мне, и я рискнула отдать ему долг укрытием. Тут действительно тихо, и я привыкла за семь лет к такой жизни.

Невольно задумываюсь над ее словами. Я и не думала, что все настолько серьезно, придумывая только похождения Германа к этой женщине скучающими вечерами.

Черт.

Мне стыдно за свое поведение, но скрывая меня от непонятно кого, она ставит под удар и себя. В поисках меня могут найти и Любу.

Ее все похоронили, а она, по сути, живет столько лет чуть ли не под носом.

– Может мне тоже так исчезнуть?

– Это не лучшее решение. Герман обещал решить твою проблему. Думаешь, мне легко быть мертвой для всех?

– Я не уверена, что доверяю Герману. Иногда мне кажется, что он мой главный враг в этом мире.

– Ива, – Любовь тяжело вздыхает на мое заявление, – если бы Герман хотел от тебя избавиться, то давно бы уже это сделал. Он никогда бы не держал тебя в плену, а уж тем более бы не спасал от самого себя. Поверь мне. Я была замужем пятнадцать лет и все эти пятнадцать лет знала Германа. Подумай над другой версией.

Встречаюсь с женщиной взглядами. Ее темные волосы заколоты в незамысловатую прическу, а на лице идеальный макияж, да и наряд ее говорит о том, что она явно куда-то собралась. Вот только куда? По словам самой Любви она никуда почти не выезжает, ведя скромный, тихий, затворнический образ жизни.

– Выглядите превосходно, – слегка улыбаюсь, не осмеливаясь спросить о ее предстоящей встрече. Может она ждет Германа на обед?

– Спасибо. Я не привыкла дома ходить как неряха, даже если никуда не собираюсь.

Снова бросаю на нее свой взгляд, не совсем понимая посыл ее слов. Она всегда ведь так выглядит? Просто ухоженная дорогая женщина?

Меня не покидает чувство, что она каждый день его ждет, внушая мне обратное.

– Я подумаю над вашими словами, – сжимаю пальцы от внезапно нахлынувшей злости.

И почему я не верю, что они просто друзья? Вот не укладывается в голове и все, я всегда жду подвоха, опасности, очередного ножа в спину, который подвергнет меня новым испытаниям и опасности.

– Ива, он холодный и черствый внутри и к такому Герману лучше привыкнуть. Этот мужчина никогда не станет душой компании, если ты понимаешь, о чем я.

– Он всегда такой? Со всеми? – спрашиваю, отводя взгляд в сторону леса за высоким забором.

– Да. Со всем своим окружением он ведет бизнес, с тобой войну. Не знаю, что между вами происходит, но вы в одной команде и это непонятно тебе только одной. Пока ты сопротивляешься его защите, ты уязвима для остальных врагов.

Закрываю глаза и пытаюсь понять свои эмоции, чувства.

Нога вся пульсирует, напоминая о боли. Я бы могла сбежать, по сути, никто ведь не держит. Мы просто договорились с Любовью, что я не убегаю, она меня не контролирует.

Я до сих пор могу сбежать в любой день, но куда? Куда я в итоге попаду? Что меня ждет там, на свободе? К тем, кто ищет отчима? Или к матери, которой нет дела до меня в целом, и она в любой момент выдаст меня, если на кону будет жизнь ее Игоря? Кстати, где он вообще прячется, что его никто не может найти?

– Хорошо, я постараюсь, точнее, попытаюсь доверять.

Любовь одобрительно кивает, а у меня на душе нет облегчения от того, что я сдалась. В целом я уже знаю, что меня ждет, если в итоге отчима не найдут. Им нужны деньги, и они выбивают их с родственников.

Да и здесь я не смогу прятаться до конца жизни.

Глава 14

Крепче сжимаю пальцы и стараюсь не дышать, а потом все же встаю с кровати и незаметно прокрадываюсь к двери. Каждый вдох прожигает легкие, а медленный выдох предательски дрожит в горле.

На улице уже глубокая ночь, но я уверена, что по дому кто-то бродит, и это не Люба: иначе бы она просто прошла, а не тихо ступала, крадучись.

Губы начинают дрожать, когда я понимаю, что этот кто-то поднимается по лестнице. Звук приближается, и я быстро зажимаю рот пальцами, чтобы не закричать.

Боюсь повернуть ручку и выйти. Боюсь увидеть лицо человека за дверью. Боюсь увидеть Германа и подтвердить свои догадки.

Но в голове звучит совершенно противоположный голос: *«Позови его на помощь. Ты не справишься сама».*

В висках застучало от одной только мысли, и я вцепилась в ручку своей двери, готовясь к сопротивлению.

Смс: *«В доме кто-то есть».*

Отправляю. Жду. Секунды тянутся, как резина. Тишина в ответ. Прислушиваюсь к коридору, надеясь услышать вибрацию, звук уведомления, любой знак жизни, но телефон молчит, и дом молчит. Я теряюсь, не понимаю, куда делся человек по ту сторону двери, и боюсь выдать себя, высунув голо-

ву от любопытства. Любопытство играет малую часть моего состояния, большую – заполонил страх.

Люба была права: нужно либо сбежать от Германа, либо довериться. Другого варианта нет, я прячусь за его спиной от него же, по собственному мнению. Набираю номер:

– В доме кто-то ходит, – шепчу, когда слышу его низкое, мгновенно напрягшееся «да». – Приедь, пожалуйста.

– Ива, ты время видела? – голос уже без сна, жесткий, собранный. – Дом весь в камерах, на проходной охранник. Периметр закрыт.

– Я слышу шаги, – снова прислушиваюсь, но сталкиваюсь с мертвой тишиной. Я ведь не схожу с ума посреди ночи?

– Подожди. Не двигайся. – Слышу быстрый стук клавиш, шелест интерфейсов. – Вывожу контур второго этажа. Коридор пуст. Датчики движения спят. Тепловизор не фиксирует аномалий. Тебе показалось. Старые перекрытия играют, ветер в вентиляцию бьет.

– Нет! Я слышала, как кто-то поднимается по лестнице.

– Я вижу все, – его голос становится ледяным, но спокойным. – Система чиста. Если бы кто-то вскрыл контур, сработала бы тревога на пульт. Оставайся в комнате. Запри дверь изнутри. Я уже в машине, буду через одиннадцать минут. Не открывай. Не выглядывай. Жди меня. Поняла?

– Герман, я боюсь

– Я сказал – запри дверь. Я приеду. Ни шагу за порог.

Щелчок. Гудки.

Пытаюсь понять, что делать дальше, но не нахожу никаких решений и отступаю к окну, смотря на клумбу. Прижимаюсь лбом к холодному стеклу, мечтая охладить разгоряченную кожу лица.

Второй этаж – в принципе, невысоко, если упасть на этот куст, но может, мне действительно все это приснилось и нет никакой опасности? Спальня Любы в другом крыле, она не услышит, если я буду кричать, да и кричать во все горло я не умею, к сожалению.

Мысли не вяжутся. Руки будто не мои, не слушаются, пока я пытаюсь открыть окно. Не получается быстро провернуть ручку, а мне очень нужно. Хотя бы ради глотка свежего воздуха.

Хочу уже кричать, когда вижу медленно поворачивающуюся ручку двери, но в горло будто песка насыпали. Зажмуриваюсь и прячусь за занавесками. Страшно. Сердце колотится. Ноги дрожат. Пытаюсь себя успокоить, но не выходит, и в этот момент, когда я уже перестаю дышать, я вижу того самого человека, чье лицо я запомнила навсегда.

Он снова здесь.

Пришел за мной, обманув все камеры и охрану.

Герман не может защитить, и пора принять этот факт.

Я могла бы быть в безопасности только рядом с самим Власовым, но он меня швыряет от одних добрых рук к другим, не думая наперед.

Мы ставим под угрозу и Любу.

А потом я просто прыгаю в открытое окно и бегу, куда глаза глядят.

Не оглядываюсь, не смотрю по сторонам, не кричу и не зову на помощь. Просто бегу, мечтая оказаться как можно дальше и спастись. Я не слышу ничего вокруг, кроме тишины, той самой, которая оглушает меня на протяжении всего времени, что я в России.

Тошнит уже от нее. Лучше бы я слышала все, что происходит вокруг.

Земля уходит из-под ног. Падаю на пригорке. Мир переворачивается.

Качусь кубарем вниз, собирая все ветки, бьющие по телу, вышибающие дух. И только внизу, когда движение наконец останавливается, я лежу неподвижно и плачу – не от страха, а от невыносимой и жгучей боли. Я просто позволяю слезам вырваться наружу, понимая, что это единственное, что сейчас хочу на самом деле.

Глава 15

Герман

Вжимаю педаль в пол. Двигатель ревет, стрелка спидометра ползет к двумстам. Ночная трасса мелькает за стеклом размытыми огнями, но я не вижу дороги. Вижу только ее лицо. Слышу только ее голос в трубке: *«Герман, в доме кто-то ходит»*.

Кто, мать твою, там ходит, что даже камера уловить не может?

Я бы с места не сдвинулся из-за такой паранойи в два ночи, если бы не охранник. Человек, которого я приставил к Иве, не отвечает, и только поэтому я несусь сто девяносто в час, проклиная всех за оплошность.

Ночной воздух хлещет в лицо, когда я еду с открытым окном, пытаюсь отрезвиться. Я снова сбрасываю вызов. Гудки. Снова гудки. Проклинаю все и вся, сжимая руль так, что косяшки белеют.

Но когда фары выхватывают из темноты знакомые кованые ворота, кровь стынет в жилах. Иванна не врала, и теперь страх за нее пульсирует в висках с удвоенной силой.

Калитка распахнута настежь, а рядом, в луже собственной крови, лежит мой человек. Охранник смотрит в небо стеклянными глазами, и аккуратная дырка в центре его лба говорит сама за себя.

Как его заставили открыть? Или просто пристрелили через щель?

Паркуюсь за пределами владений, достаю пистолет из бардачка и снимаю с предохранителя. Тихо выхожу и быстрым шагом иду в сторону дома. Сердце не на месте. Врываюсь в дом и прислушиваюсь к неровному дыханию и еле уловимому ушам вою. Нахожу Любу, прижатую к стене и обхватившую себя ногами в туалете первого этажа. Она нервно вытирает слезы и, увидев меня, начинает плакать громче, задыхаясь. Люба хочет что-то сказать, но страх сковывает лицо.

– Успокойся. Все будет хорошо.

– Ее нигде нет. Я уже все вокруг обошла, – ее голос дрожит, а перепуганные глаза не могут сфокусироваться на определенной точке.

– Ты в порядке? – дотрагиваюсь до плеча, но она выгибается как стрела от еле уловимого прикосновения.

– Д-да, просто страшно.

– Но ты не побоялась выйти в темноте на улицу в поисках Ивы.

– Я думала, она где-то раненая, и мой страх в данной ситуации убьет человека, – ее голос срывается в всхлип. – Я не думала, что увижу его там, в крови. Он мертв. Я знаю это. Не говори сейчас, что мне померещилось.

– Не буду. Пойдем, – поднимаю перепуганную женщину на ноги и окидываю взглядом дом.

Поднимаюсь на второй этаж. Прямиком в спальню Иван-

ны. Борьбы не было, все на месте и в идеальном порядке. Все указывает на то, что Ива сама ушла, но тогда как быть с охранником?

– В доме кто-то был? По камерам не видно, – Люба заходит следом, но останавливается в проеме, не рискуя переступить.

– Оба охранника мертвы, второй в комнате с камерами, и лучше бы я туда вообще не заходил. Камеры не работают. Они показывают неправильное время. Я ничего не трогала, решила тебе позвонить, но не успела успокоиться, да и ты сам уже приехал.

– Мне позвонила ранее Ива, – тихо произношу и подхожу к открытому окну. Достая небольшой лоскуток ткани от ее кардигана, торчащий с внешней стороны на небольшом ржавом гвоздике.

– Она точно не сама сбежала. Хотела бы сбежать, сделала бы это ранее. Тем более охранников застрелили

– Как ты проснулась?

– Услышала шум на улице, то ли крик, то ли визг. Я до сих пор не понимаю, что это было. Вышла воды попить и увидела открытую дверь в ее спальню. Подумала, что Иванне тоже не спится, но на кухне ее не нашла, – Люба обхватывает себя руками, пытаясь хоть немного успокоиться. – Пошла бродить по дому, вышла на улицу и увидела Русика на асфальте и открытые ворота. Это было страшно. Сама осознанность, что в доме кто-то есть — уже страшно. За столько лет никто

не пытался даже вломиться ко мне, а теперь я даже не знаю: нас с ней перепутали, за Ивой целенаправленно пришли или это твои враги так мстят, – наши взгляды пересекаются, и я только сейчас задумываюсь над ее словами. Действительно, кому именно сейчас мстят? На самом деле не важно, главное – ее найти. Впервые за пять лет мою охрану обошли как детей. Кто-то знал каждую слепую зону на участке.

Смотрю в открытое окно, ловлю холодный, слегка морозный воздух. Ива выпрыгнула со второго этажа в одной ночнушке и кардигане, судя по тому, как небрежно валяется ее одежда в кресле.

А впереди лес.

Через несколько километров поселок дачного типа, но до него ведь еще дойти надо, а на улице минусовая температура.

Срываюсь с места. Если она спаслась, то значит, я должен ее найти.

– Ты куда?

– В лес. Ты ведь там не искала ее?

– Шутишь? Нет, конечно, думаешь она там? – Люба не отстаёт и бежит за мной.

– Оставайся дома и позвони Никите. Скажи, чтобы сам приехал и ребят захватил.

Бегу в сторону леса, на ходу давая команду.

Люба не переступает порог вместе со мной, а лишь закрывает дверь на замок. Если в доме кто-то и был, то явно ушел вместе с Ивой. Если бы им нужна была Люба, то она бы тоже

уже была мертва.

Им нужна Ива, и я должен найти ее раньше.

Глава 16

Ветки бьют по лицу, оставляя тонкие, саднящие царапины, но я не чувствую боли, только холод и раздражающий душу страх. Я бегу вперед, боясь оглянуться, боясь увидеть его. Я точно знаю, что за мной гнались, но насколько мне удалось вырваться вперед, не понимаю.

Земля под ногами мягкая и скользкая, превратившаяся в грязную кашу. Я снова и снова проваливаюсь в сугроб, но заставляю себя не останавливаться.

Я бегу дальше, или мне кажется, что бегу. На самом деле ноги уже давно не слушаются, превратившись в чужие и ватные. Тонкая хлопковая сорочка промокла насквозь от пота и прилипла к телу, как вторая кожа, заставляя зубы стучать от холода. Кутаюсь сильнее в кардиган, который чудом прихватила с собой, и в какой-то момент падаю на сырую землю.

Не могу больше идти. Я заблудилась. Заставляю себя оглянуться назад – тишина.

Облокачиваюсь на ствол дерева и пытаюсь успокоиться. Что делать, совершенно не понимаю, но если я буду просто сидеть, то замерзну зимой в летней одежде. Слезы сами начинают копиться, и я не могу остановиться. Мне страшно, холодно. Я боюсь остаться тут навечно и замерзнуть, а еще больше боюсь, что буду умирать в муках. Мне ведь будет все холоднее и страшнее с каждой минутой на этом месте, но

дальше я не в состоянии ползти. Я выдохлась окончательно. Глаза начинают закрываться от усталости, и я еле держусь, чтобы не уснуть.

Может, уснуть – это самая легкая смерть для меня, но я держусь до последнего, надеясь на чудо.

Где-то вдалеке, за спиной, хрустит ветка.

Вздрагиваю всем телом, вжимаясь в мокрую кору. Они нашли меня. Зажмуриваюсь, ожидая грубой хватки, ожидая, что они меня сейчас просто убьют и оставят. Не шевелюсь, надеясь, что меня попросту не заметят.

– Ива! – слышу вдалеке хриплый голос, полный ярости и страха, и у меня перехватывает дыхание.

Это не они, и в какой-то момент мое сердце начинает екать быстрее от радости. Я хочу крикнуть в ответ, но не могу. Мое тело настолько замерзло, что я просто не могу пошевелить губами.

– Иванна! Отзовись, черт возьми! Я знаю, что ты в лесу.

Пытаюсь крикнуть, но из горла вырывается лишь жалкий, сдавленный хрип. Я поднимаю дрожащую руку и со всей силы ударяю ладонью по мокрому стволу дерева. Это последнее, на что я способна, второй раз я просто не могу ее поднять. Силы иссякли окончательно. Но мне удалось издать глухой звук в тишине леса.

Герман пришел за мной, и я очень надеюсь, что он найдет меня. Не могу больше шевелить конечностями, не могу позвать в свою сторону, но я верю, что он не пойдет дальше, а

посмотрит в мою сторону и увидит.

Спустя время фонарь скользит по земле, и свет резко ударяет мне прямо в лицо. Я зажмуриваюсь.

Герман бросает фонарь в снег и резко падает на колени рядом со мной.

– Господи – его руки, такие горячие, обжигают мое ледяное лицо. На контрасте становится даже больно от прикосновений.

Зубы тут же предательски начинают стучать, и на мои плечи ложится теплое пальто.

– Х-холодно – выдавливаю одними губами. Я все еще ледяная, зубы колотятся так, что сводит скулы, но в его объятиях я наконец перестаю дрожать от страха. Это тепло не согревает тело, но оно греет душу.

– Я знаю. Потерпи. Я отопрею.

Запах его кожи, смешанный с морозом, действует успокаивающе.

– Они охранник – бормочу, вцепившись пальцами в его свитер. – Они убили его

– Тихо. Тихо, – он прижал мой лоб к своему плечу, его рука тяжело и успокаивающе легла мне на затылок. – Я видел. Я знал, что ты будешь до конца сражаться за свою жизнь.

– Герман – прошептала я, открывая глаза. В темноте его лицо было лишь силуэтом, но я чувствовала его взгляд.

– Не разговаривай. Береги силы. Мы почти дома.

– Ты пришел – я не знала, зачем говорю это. Просто мне

нужно было услышать его голос. Звучит как бред, и я понимаю, что на утро пожалею о своих словах, но сейчас я говорю то, что хочу сказать. – Спасибо, что поверил мне. Я боялась остаться в лесу навсегда.

Он останавливается на секунду. Его рука, державшая меня под коленями, чуть дрогнула на моих словах, и я почувствовала этот еле уловимый жест.

– Я всегда приду, – тихо, почти сквозь зубы произносит он. – Запомни это, Ива. Всегда.

И только после этих слов я окончательно успокаиваюсь и засыпаю на его плече, не думая, что будет дальше. Я решила довериться и не перечить. Я решила не воевать с ним и поверить, что Герман – друг, а не враг.

Глава 17

Как же приятно, открыв глаза, первым делом почувствовать запах ароматного свежего кофе.

Я в доме Германа, знаю. Он так долго сопротивлялся привозить меня сюда, но после последнего инцидента осознал, что только рядом с ним я могу быть в безопасности.

Дом Германа стал моей крепостью. И, как ни странно, моей золотой клеткой, ключи от которой я отдала сама.

Мое сердце затрепетало, когда он сам предложил мне уехать в ту ночь с ним. Я согласилась, хоть до конца так и не доверяю. В тот миг я подумала: Власов либо убьет меня, либо я наконец буду в безопасности.

На цыпочках прохожу на кухню, пытаюсь напугать, но он замечает меня в отражении белой глянцевой кухни. Делаю вид, что ничего не собиралась делать и просто сажусь за стол, наблюдая как Герман сам готовит кофе в турке.

Очень ароматный.

И это я про кофе сейчас.

Сам же хозяин дома вальяжно оборачивается с круассанами на тарелке и мило улыбается в знак приветствия. Его серые глаза блестят и мне чертовски нравится такая непринужденная и уютная атмосфера. Германа в трениках и в домашней футболке я вижу впервые и мне так нравится больше, чем в деловом костюме.

– А ты не боишься, что я сбегу так же, как и от них? – не могу не подкалывать его при каждой встрече и проверять на прочность.

Я, конечно, помню, что плела всякую чушь в лесу, но хорошо, что не додумалась в любви признаться. Я ведь не люблю. Точно не люблю.

Тогда какого черта я веду себя как влюбленный подросток рядом с предметом обожания? Я ведь помню, как обрадовалась в лесу, когда поняла, что это Герман, а не бандиты. Да я бы его расцеловала тогда, если была бы в состоянии.

– Думаю, ты бы уже сбежала, если хотела. Люба тебя не держала. Как ты себя чувствуешь? – его голос ровный и абсолютно спокойный.

– Лучше. Хожу, не дрожу. Кстати, как там Люба? – Меняю тему, делая первый глоток. Кофе обжигает, но согревает изнутри.

– Скучает. Говорит, что за столько лет наконец с кем-то поговорила по душам. С трудом верится, но пусть так, – Герман странно смотрит в мою сторону, пока я делаю первый глоток кофе.

– Почему с трудом?

– Люба даже со мной не хотела обсуждать случившееся, а тут посторонний человек, которого она в дом впускать побаивалась изначально.

– Она просто боялась и до сих пор боится, – пожимаю плечами, хотя внутри сжимается тяжелый комок. – Думаешь,

легко скрываться столько лет и жить зная, что ты умерла для всех.

Вспоминаю наш с ней разговор и становится не по себе. Во всей этой суматохе я совершенно о ней забыла, а мы ведь действительно сдружились.

– Думаю, тяжело, – Герман опирается бедром в столешницу.

– Вот. Ей бы куда-то переехать, – стараюсь вообще не смотреть на своего собеседника, а сконцентрироваться на проблеме новой подруги.

– Она никогда не бросит могилу мужа. Кладбище недалеко. Она каждые две недели туда ездит и не важно дождь, солнце или снег. Люба там как по графику.

– Она его очень любила.

– Я знаю, поэтому и купил для нее этот дом. По сути, она живет недалеко от моего друга.

Я больше ничего не сказала. Любовь Любы к покойному мужу заставила меня подумать о жизни под другим углом. Я никогда раньше не думала о смерти. Понимаю, что в двадцать пять сложно сидеть и вообще о ней размышлять, задумываться, но мы ведь все не вечны. Когда-нибудь каждый из нас окажется по ту сторону и мне рано таким забивать голову, но именно сейчас я задумываюсь и меня пугают собственные мысли.

– Ладно, не грусти, – видя мое поникшее настроение, Герман ставит перед носом кипу бумаг, тем самым возвращая в

реальность. – Сегодня у тебя рабочий день, так что настраивайся и вперед работать. К вечеру нужно выдать хоть что-то, иначе я закопаюсь в работе окончательно.

– В смысле? У тебя в компании работать некому? – рот открываю от объема бумаг, появившихся на столе.

– Нет, я уволил переводчика, на ее место взял тебя, а ты тоже не торопиться оклад отрабатывать. Короче, не дури мне голову, у меня сделки с англичанами.

– Это с теми, с кем я ужинала перед похищением?

– Другие, но от этого не менее важные. Я на работу, ты не высываешься без меня на улицу.

Герман напоследок подмигивает, хватает круассан и выходит из кухни, в то время, как я даже возразить не успеваю.

Моя жизнь обрела странный ритм. Днем я работала. Я переводила для его компании, как и раньше, только теперь моим офисом стала просторная кухня с панорамными окнами, за которыми шумел заснеженный лес.

Герман никогда не мешал и не торопил. Он мог часами сидеть рядом за своим столом, разбирая документы или говоря по телефону тихим, властным голосом. Иногда он приносил мне чашку чая, ставил ее рядом с клавиатурой и его пальцы на долю секунды задерживались на моем плече. Это прикосновение было горячим, и от него по коже всегда бежали мурашки.

Но спустя несколько дней своей беззаботной и уютной

жизни мне приснился кошмар. Он был таким реалистичным.

Мне снился Игорь, что он пришел и душит меня. Я кричала во сне, звала на помощь и пыталась скинуть этого злодея с себя, но силы были не равны. Самое страшное было в этом кошмаре, что мама стояла сзади и просто молча смотрела, как ее любовник медленно меня убивает. Я сопротивлялась и била кулаками со всей дури, пока яркий свет не привел меня в чувства.

– Тише, – голос Германа был низким и успокаивающим.
– Я здесь. Дыши.

И я дышала. Я вцепилась в футболку Германа, будто это был не сон, и мужчина спас меня от верной смерти в эту минуту.

– Я кричала?

– Ты звала Игоря и маму, – ошарашивает меня Герман, а я прижимаюсь еще ближе к его плечу.

– Я не звала его. Он меня душил. А мама мама просто смотрела и не останавливала.

Плач становится громче. Мне так обидно, что мамы нет в моей жизни, что она отвернулась от меня и не вспоминает.

– В любом случае, это сон, и ты уже проснулась, – Герман продолжает гладить по волосам и мне действительно немного легче. Держась за его шею, как за спасательный якорь, и медленно успокаивалась, вспоминая, что Игорь до сих пор на свободе, а за мной до сих пор идет охота.

Глава 18

Целую неделю мой жуткий кошмар не выходил из головы. Я постоянно думала об Игоре и маме.

Как мама?

Может, коллекторы уже нашли Игоря?

Герман ничего не спрашивал, хотя ни раз замечал мое состояние, что-то спрашивая или просто начиная разговор, после которого я продолжала сидеть и смотреть в одну точку, не реагируя. Иногда мне и самой казалось, будто я схожу с ума, но ничего не могла с собой поделать. Меня беспокоила мама, хоть она и не искала меня и не пыталась выйти на связь.

Да, телефон я потеряла, когда меня украли в первый раз, но Герман восстановил номер, подарив в придачу новый телефон. Но, зайдя в соцсети, я не увидела ни одного сообщения от родного мне человека. Она даже не пыталась узнать, жива ли я.

Сегодня Герман пришел раньше обычного, а я так ничего и не перевела в течение дня. Так и просидела, сканируя монитор. Я будто отупела, не сумев за целый день соединить слова в предложения, чтобы получился логичный текст.

Он бросил на стол загранпаспорт и два авиабилета.

– Собирай вещи, – произнес Герман. Я растерянно моргнула, отрываясь от экрана.

– Куда? – смотрю на билеты, потом перевожу взгляд обратно на Власова.

– В Дубай. У меня срочная командировка, и мне нужен переводчик.

Я растерянно смотрю на него и не понимаю, как я должна собираться. У меня есть всего несколько нарядов, которые мне в пакете сунула с собой Люба, но все они не для жаркой страны, а для Сибири.

– купишь там все, что нужно, – он подошел ближе, его тень накрыла меня, отрезая от остального мира. – Ты поедешь со мной, Ива. Потому что только рядом со мной ты действительно в безопасности. Я не могу оставить тебя здесь одну.

Я смотрю на темный лес за окном, а потом бросаю взгляд на билеты. Я поеду в Дубай, конечно. Это очень хороший шанс переключиться и успокоиться. Я бы даже сказала – остановиться на время и наконец почувствовать жизнь, вздохнув полной грудью.

Дубай встретил нас с распростертыми объятиями. Жара, солнце, яхты и сверкающее золото – вот с чем у меня ассоциируется эта страна. Я тут была лишь раз, но осталась в полном восторге, и теперь я уже не хожу по улицам с широко открытым ртом.

– Ты тут была?

– Да. А ты? – мне почему-то захотелось хоть раз превзойти

Германа и удивить его местной кухней, но его самодовольная улыбка говорит лишь о том, что и тут он преуспел. Конечно, такой мужчина явно не засиживается в Красноярске надолго.

– Ну ладно, раз ты тут был, тогда вези меня на шопинг. Я не могу ходить на ваши деловые встречи в футболке и джинсах, – мой вид – это нечто, но я оделась во что нашла: у себя и в шкафу Германа, понимая, что тут все куплю. И вот, спустя четыре часа походов по шикарным бутикам, я блистаю в брюках золотистого цвета и белом пиджаке на встрече, которая проходит слишком быстро для меня.

– Ты превосходна, – Герман делает комплимент, как только мы заходим в ресторан, и показывает, в каком направлении цокать своими каблучками.

– С твоими-то деньгами, – не могу удержаться от сарказма.

Здесь я действительно вздохнула и забыла про все проблемы, будто они остались на другом конце света. Да и почему будто? Они ведь действительно там остались. Мне не хватало внутренней легкости, и я благодарна Власову за такой щедрый подарок.

Я отключаюсь моментально, как только слышу любимый английский язык. Даже не верится, что вчера я не могла ничего перевести, глядя на него. Смеюсь, опуская глаза, но потом быстро беру себя в руки и продолжаю переводить, понимая, что я тут в качестве переводчика.

– Какая прелестная у тебя компания, Герман, – арабы де-

дают комплимент, обращаясь исключительно к Власову, а я перевожу, моментально краснея.

– Сам не налюбуюсь, – Власов отвечает и просит перевести обратно.

Мне нравится такое внимание мужчин, но я не привыкла, что разговоры обо мне слишком долго не угасают: компаньоны продолжают спрашивать обо мне, а мне неловко от сложившейся ситуации.

Я и сама могу ответить, но в этой стране у мужчин определенного менталитета не принято спрашивать лично у женщины.

Но Власов ведь не мой мужчина? Отчего-то в этот момент я абстрагируюсь и просто выполняю свою работу. Заигрывать с арабами – не самое лучшее решение.

– Ой, Герман, ты ли это? Неужели все же решил навестить? Я так долго наблюдала, думала – показалось, а оказалось, что глаза все же не врут, – к нашему столику подходит женщина лет сорока и просто нагло виснет на шее у Власова, как только тот встает из-за стола, приветствуя свою спутницу. По русской речи понимаю, что переводчик не требуется, да и не просили меня переводить все от всех, кто на пути встречается.

Почему-то мне не нравится эта женщина, хотя она даже еще не взглянула в мою сторону.

– Сказала бы, что прилетаешь, я бы встретила. Не чужие ведь друг другу.

– Привет, Вера, – Герман вздыхает, но женщину не отталкивает от себя, чем будоражит ревность внутри меня. Сама не понимаю, зачем, но я закипаю от непринужденного разговора. Вроде бы ничего серьезного, но мне не нравится эта шикарная знакомая блондинка в его жизни, которая вот так может прервать серьезный разговор и перевести все внимание на себя.

– Ой, я забыла представиться всем гостям, – женщина непринужденно хихикает, а я внимательно слушаю. Хоть бы сестра, тетя, дальняя родственница

– Я сам. Это Вера, моя бывшая жена, – у меня сердце то ли перестает колотиться, то ли начинает колотиться сильнее раза в три. Я не слышу стука, поэтому просто не осознаю.

– Ну, ты ведь понимаешь, что бывших жен не бывает?

Глава 19

Понимает он, поэтому и бросает многозначительный взгляд на меня, полный сожаления.

Ну или я вижу то, что сейчас хочу видеть перед глазами.

Перевожу взгляд на иностранцев и стараюсь поддерживать беседу, чтобы не казаться невежей перед гостями, пока эти двое насмотреться не могут друг на друга. Делаю свой первый глоток белого, от которого изначально отказывалась, и, получая дьявольский глоток храбрости, начинаю более уверенно принимать комплименты.

Я все же женщина, а не просто кукла, умеющая понимать английскую речь.

– Ой, вы очень щедры. Спасибо, – немного неловко, но я все же принимаю букет от гостя, который возвращается через минут пять с шикарным букетом. Я просто расцветаю от такой щедрости, на долю секунды забывая про Власова, но его огненные стрелы в мою сторону возвращают в реальность. – Я не могу их принять, простите.

– Почему не можете? У вас есть бойфренд? – спрашивает, совершенно не обращая внимания, как у Власова лицо меняется от его слов. Власов не понимает, но слово «бойфренд» звучит одинаково на любом языке мира.

Кажется, его зовут Майк. Я точно уже не помню, совершенно не интересовало в начале беседы, а сейчас и спросить

неловко.

– Нет.

Действительно. У меня ведь нет парня, и нет жениха. Вообще никого нет, так почему я сейчас робею и чувствую себя неловко? Я ведь не привязана к Герману и не клялась в верности на всю жизнь. У него там бывшая рядом сидит и руки ему поглаживает, а я с букетом сейчас. Все как в анекдоте, а мне даже нравится, и во мне сейчас торжествует второй глоток алкоголя.

– Тогда почему я не могу поухаживать за красивой женщиной?

– Иванна на работе, поэтому давайте соблюдать субординацию, – вмешивается Герман, не в состоянии больше молчать. Я вижу его пульсирующую венку на лбу и напрягаюсь. Чувствую себя зажатой между двух мужчин, дышать трудно.

– Тогда пусть цветы просто украсят этот вечер.

Я выдыхаю. Плечи, которые неосознанно напряглись, наконец опускаются. Хочется сказать спасибо Майку, что не раздул конфликт, но я не понимаю, почему сама так реагирую. Не я ведь сижу между двух женщин. И не мне должно быть неловко за шикарный букет.

Власов не сводит с меня глаз. Я чувствую этот взгляд кожей, будто он физически ощупывает мои руки, плечи, губы. Я также смотрю на него, не думая сдаваться и опускать взгляд. Пусть смотрит. Пусть видит, что я не та кукла, которую можно переставлять с места на место. Я не робкая де-

вочка, которая будет плакать в подушку, я могу дать отпор.

Разговор за столом плавно перетекает в обсуждение контрактов, графиков, каких-то цифр, в которых я плаваю, но киваю в такт.

Официант убирает тарелки. Кто-то смеется. Майк шутит по-английски, и я ловлю себя на том, что впервые за это время не считаю секунды до конца вечера.

– Извините, – поднимаюсь, стараясь не задеть стул. – Мне нужно освежиться.

Уже почти ухожу, медленно делая каждый шаг.

– Герман, а кто эта девушка и почему она так на тебя смотрит? – в разговор, наконец, вступает эта его бывшая жена, понимая, что англичане не понимают вопроса, а я как бы уже почти ушла.

Почти

Власов не видит, как я останавливаюсь, и вместе с ней ожидаю ответа.

– Это Иванна. Она работает у меня переводчиком.

– А, понятно.

Я не хотела слушать продолжения. То, что я переводчик, было и так понятно, я ожидала другого ответа, но не услышала.

Переводчик, значит. Ну ладно. Я запомнила. Значит, я просто работаю на тебя, Герман, и могу принимать ухаживания без стеснения в дальнейшем.

Глава 20

Конечно же я согласилась на свидание с Майком, когда тот, прощаясь и воспользовавшись ситуацией, продиктовал адрес и время на семь. Сейчас – семь десять, а его нет.

Стою на набережной, возле входа в торговый центр и жду мужчину, опаздывающего на первое свидание.

Вдруг к самому бордюру бесшумно подкатывает черный внедорожник, заставляя сердце екатъ. Майк вчера уезжал на таком же, я специально запомнила марку, чтобы понимать, кого ждать сегодня. Не раздумывая, дергаю ручку, сажусь на пассажирское сиденье и выдыхаю:

– Привет. Ты опоздал, я уже начала думать, что

Голос застревает в горле. За рулем сидит не Майк. Адреналин жаром разливается по коже. Это просто не может быть правдой. Как он догадался, а главное, как просчитал все до мелочей?

Мужчина за рулем даже не смотрит на меня. Спокойно включает передачу, бросает быстрый взгляд в зеркало и выворачивает руль.

Он что молча похищает меня посреди улицы?

– Что ты здесь делаешь? Где Майк? – хлопаю глазами, пытаюсь осознать реальность.

– Майк не приедет, – ровным тоном сообщает Герман, вклиниваясь в поток машин на главной трассе улицы. – Я

отправил ему сообщение от твоего имени, немного соврав, что ты заболела.

– Ты что?! – вскакиваю и в этот момент ремень безопасности больно врезается в ключицу, напоминая о себе. – Остановись. Я не хочу с тобой никуда ехать.

Понимаю, что во мне говорит больше злость, чем здравый смысл, но я настолько не хочу его сейчас видеть, что готова выйти посреди оживленной улицы, понимая, что даже такси не вызову. Здесь нельзя останавливаться, но я готова идти пешком на каблуках, лишь бы не чувствовать этого спокойного и ровного дыхания Власова.

С такой легкостью меня похитил и сидит с невозмутимым лицом.

– Ива, сиди.

Одного слова хватает, чтобы я рухнула обратно. Обхватываю себя руками и начинаю думать, как бы улизнуть от него. Должен быть выход.

– Куда мы едем? – шиплю на него, показывая недовольство. Хотя, готова поспорить, его видно невооруженным взглядом и без моих жалких попыток.

– Кататься.

– Я не хочу кататься. Вези меня тогда обратно в номер.

– Со мной тоже неплохо, – бросает он, и в уголке губ мелькает еле заметная усмешка. – Расслабься и смотри на этот прекрасный город, нам скоро обратно улетать.

Мы молчим минут двадцать. Город за окном превраща-

ется в размытую акварель из огней и теней. Вот честно, даже яркие огни сейчас не впечатляют, наверное, потому что я видела Европу и могу сказать, что в ней нет ничего особенного. Я уже насмотрелась и Дубай видела, хоть и давно.

Герман ведет машину уверенно, одной рукой, лежащей на руле, второй барабанившей по подлокотнику. Я вижу, как напряжена его челюсть. Власов нервничает, но ничего не говорит мне, а я подбираю правильный вопрос, так как не могу уже ничего держать в себе.

– Почему ты так сказал Вере? – вдруг спрашиваю, нарушая тишину. – Что я просто переводчица. Ты же мог сказать правду.

Герман резко выдыхает, словно ждал этого вопроса. Он притормаживает у светофора и наконец поворачивается ко мне. В полумраке салона его глаза кажутся почти черными.

– Правду? – переспрашивает так, будто услышал самый странный вопрос в мире. – Ты правда думаешь, что Вере нужна правда? Ей нужны деньги и некая женская уверенность в своем превосходстве, а мне развод.

– И как это связано? – не понимаю.

– Она получает от меня некую сумму и живет ни в чем себе не отказывая. А еще она знает, что единственная в этом мире для меня. Если Вера узнает, что у меня есть другая женщина, ее уверенность исчезнет и она никогда не даст мне развод.

Обдумываю его слова и все равно не понимаю. Может я,

конечно, тупею или никогда не была замужем и не могу уловить суть этой истории.

– У вас нет детей. Думаю, имущество не сложно поделить

– Фирма общая. Я по молодости и глупости поделил ее на двоих и теперь это козырь в ее рукаве. Вера знает, как я дорожу компанией и поэтому я играю по ее правилам. У нас контракт и по нему, я могу получить все, если у меня будут доказательства ее измены, но с моей стороны такие же условия. Вера тоже умеет все скрывать, но кажется все же ее смогли поймать, и если фото будут удачными, я могу наконец развестись.

– Но она твоя жена. Как все сложно и запутано.

– Жена, которая пыталась перекинуть на меня все свои долги, – он отворачивается, когда загорается зеленый. Голос становится тише. – На брачном контракте настояла сама Вера. Она обманула меня еще до свадьбы. С ребенком. Я женился на ней и переписал пол фирмы на нее, окрыленный беременностью, которой нет.

Замираю. В салоне повисает давящая пауза. Мне неловко от собственного поведения, ведь я злилась на Германа, не зная всей правды. Думала, он просто меня обманывает, играет, а на деле живет с таким грузом на сердце.

– Я узнал правду через месяц после свадьбы, но было уже поздно. Я мог уничтожить ее, раздавить судом, но не стал. Я откупился и дал ей свободу и деньги. Но Вера умоляла не разводиться так быстро, иначе бы семья от нее отреклась.

– Почему ты пошел на это?

– Любовь бывает опасной. Меня тогда Миша с Любой уговаривали развестись, но я тогда не думал, как лучше. Жениться повторно все равно не собирался, да и со штампом в паспорте легче дела решать. Женатые мужчины более надежные, как оказалось. Я и забыл про брачный договор, пока Вера не напомнила. Десять лет мы живем в разных странах и видимся только, когда я прилетаю в командировку в Дубай.

Он переводит взгляд на меня, и в этом взгляде столько усталости, что мне хочется дотронуться до его руки. Хочется успокоить, но я боюсь. Боюсь сделать только хуже.

– Поэтому для нее ты просто переводчица. Ива, мне нужен этот развод, и я не собираюсь терять фирму, которую создал сам с нуля.

– Герман, – я не знаю, что сказать. Не нахожу нужных слов, поэтому молчу, подбирая правильные прилагательные.

– Не надо, все слова сейчас лишние. Лучше пойдем, поедим. Говорят, там хорошая еда.

Герман паркуется у ночного рынка, и мы выходим. Ночной воздух свежий и соленый. Вокруг шумят кафе, пахнет жареными морепродуктами и специями. Герман, к моему удивлению, не ведет меня в очередной раскрученный ресторан с пафосным названием. Он подходит к уличному лотку, покупает два кулечка с какой-то местной уличной едой и протягивает мне.

– Ешь, – командует, а у меня вырывается смешок из губ.

Я нахожу недалеко свободную скамейку, и мы просто садимся на нее и любуемся морем и красивым пейзажем. Действительно красиво. Природа всегда производила на меня большее впечатление, чем любой роскошный город.

– Вкусно? – спрашивает он, вытирая пальцы салфеткой.

– Ага, – жую, пытаюсь скрыть улыбку. – Ты умеешь удивлять. Думала, будешь кормить меня устрицами при свечах.

– Устрицы – для понтов, – Герман пожимает плечами. – А это – для души. Тем более, что рестораны и так в моей жизни занимают большую часть, а вот уличная еда с рынка как деликатес.

После еды мы идем вдоль воды. Проходим мимо лотка с мороженым. Герман покупает два шарика в вафельном стаканчике и отдает мне.

– Держи. Для настроения. Чтобы не думала, что я только суровым и грубым могу быть.

Настроение и правда меняется. Обида за сорванное свидание, напряжение от разговора о Вере – все это отступает, оставляя место чему-то теплomu и уютному.

– Герман, – вдруг говорю, останавливаясь. – Давай сфотокаемся?

Он поднимает бровь.

– Зачем?

– Ну, на память. Мы же в Дубае.

Он усмехается, а я достаю свой телефон, уговаривая сфотографироваться именно на мой.

Я встаю рядом, прижимаюсь плечом к его руке. Он похотливо кладет руку мне на талию, притягивая ближе, чем нужно для фото. Я чувствую тепло его тела сквозь ткань пиджака, слышу его дыхание.

Он поднимает телефон, делает кадр.

Вспышка.

Но после не убирает руку и не отстраняется. Я поднимаю на него глаза, и в следующий момент его рука скользит с талии на затылок, пальцы запутываются в волосах, и он целует меня жадно, требовательно, с той самой яростью, которую сдерживал весь вечер. Его губы горячие, вкус мороженого смешивается с его поцелуем. Я ахаю, пытаюсь оттолкнуть его, но тело предательски мякнет, руки сами тянутся к его плечам, цепляясь за лацканы пиджака.

Когда он наконец отрывается, мы оба тяжело дышим. Он смотрит на мои губы, потом в глаза.

– Вот это, – хрипло говорит он, проводя большим пальцем по моей нижней губе, – было нужно для памяти. Надеюсь, запомнишь.

Мой мозг отключается, оставив только стук сердца и жжение на губах. Такое точно невозможно стереть из памяти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.